

Окончание четвертой части

Прошло почти две недели после того, как Дуня вернулась в Москву, а Ромка все не успокаивался и каждый вечер требовал, чтобы она снова и снова рассказывала о том, что происходило на отборочном туре, и вспоминала подробности. Дуня старалась, пересказывала и даже кое-что пыталась изобразить в лицах, удивляясь, что Роману это интересно и не надоедает слушать.

— Ромчик, ну зачем тебе это? — спросила она. — Суть я объяснила, а для чего тебе всякие подробности?

— Так интересно же! — ответил он, блестя ярко-голубыми глазами из-под медово-рыжих вихров. — Я даже «Дело Артамоновых» в телефон скачал и в пробках читаю.

— Господи, а это-то зачем?! — воскликнула Дуня.

— Чтобы лучше понимать то, о чем ты рассказываешь.

Ромка был искренен, это Дуня знала точно. Ему всегда было интересно и постоянно хотелось узнать еще больше, понять еще глубже, составить представление более отчетливое и ясное. Про Дзюбу говорили, что у него необыкновенно высокая познавательная активность. Наверное, так оно и было.

О самом важном он спросил далеко не сразу, вероятно, ждал, что Дуня сама заговорит об этом. Она и хотела поговорить, но все никак не могла сформулировать свои ощущения, объяснить их словами.

Злилась на себя за это, и чем больше злилась,

тем лучше понимала несчастного Петра Артамонова. И вообще, роман Горького теперь виделся ей совсем иначе. «Подожду, когда Ромка дочитает, — решила Дуня. — Тогда мне проще будет объяснить то, чего я объяснить пока не могу».

Наступил момент, когда тянуть дальше было нельзя. Ромка дочитал роман и теперь просил Дуню с самого начала пересказать весь ход обсуждения.

— А это кто сказал? Тимур? Ага, понял... А Наташа что сказала? А ты?

— А я сказала, что Петр изводит свою жену и издевается над ней. И получает от этого удовольствие. Ромка, я...

Она запнулась и беспомощно посмотрела на него. Роман осторожно погладил ее руку, сжал пальцы. Но ничего не сказал.

— Я понимаю, — продолжила она, — понимаю, что ты ждешь от меня каких-то слов... Ты хочешь знать, помогла ли мне эта поездка. Так вот: у меня нет ответа. Я не знаю. Я с удовольствием отдала телефон Назару Захаровичу, но три дня — это слишком мало, чтобы я перестала постоянно ждать, что в меня в любой момент вопьется жало. Все равно я была в напряжении. А когда Назар Захарович вернул мне телефон... Знаешь, ведь технику стали раздавать сразу после оглашения результатов, независимо от того, кто когда уезжал. Так вот, я телефон забрала не сразу, а только через несколько часов, перед самым отъездом из поселка. Включила, отправила тебе эсэмэску, что выезжаю на вокзал, даже неприятые вызовы не посмотрела и тут же снова выключила. И почувствовала себя трусихой. Расстроилась ужасно!

— Почему, Дуняша? Что тебя расстроило?

Его глаза смотрели ласково и внимательно, и Дуня в который уже раз подумала, что Ромка

ее переоценивает. Он думает, что она сильная, добрая и умная, а на самом деле Дуня — глупая трусиха, слабая и безвольная. И уже совсем скоро Ромка это поймет и разочаруется в ней.

— Мне трудно объяснить... Ну смотри: если анализировать образ Петра Артамонова, то получается, что неразвитый ум порождает стремление унижить и уничтожить то, чего он не понимает. Согласен?

— Согласен.

— Но Денис... Он ведь умный и знает много, его никак нельзя считать неразвитым. А стремление унижить другого человека в нем живет. Почему? Получается, Горький ошибался? Или то, что написано об Артамонове, нельзя обобщать и переносить на всех? Или Денис — тупой необразованный идиот? Или я — тупая и ни в чем не могу разобраться? Ромка, — на ее глазах выступили слезы, — я окончательно запуталась. До этой поездки мне казалось, что я все понимаю и нужно только набраться сил и постепенно выполнить все необходимые действия. А теперь... Я растерялась. И уже ничего не понимаю.

Ромка встал с дивана, на котором так уютно сидел рядом с ней, вышел на кухню, через некоторое время вернулся с двумя чашками чая. Одну чашку протянул Дуне, другую поставил на подоконник и уселся на стул у распахнутого окна.

— Давай по порядку, — негромко заговорил он. — Во-первых, Горький мог ошибаться и ошибался наверняка, не в этом случае — так в каком-то другом. Просто потому, что он был живым человеком, а человек, не совершивший в своей жизни ни единой ошибки и не вынесший ни одного ошибочного суждения, еще на свет не родился. Оттого, что человека назвали классиком, он не становится безупречным и безошибочным. Во-вторых, безоглядно обобщать вообще

не нужно, ничего и никогда, потому что из любого правила есть исключения, и то при условии, что правило сформулировано корректно. Корректно ли сформулировано Горьким правило? Смотри пункт первый.

Дуня улыбнулась. Все-таки ее Ромка — уникам!

— Ага, — она кивнула, — начальник всегда прав, а если начальник неправ — смотри пункт выше. Помню-помню.

— Идем дальше. В-третьих, Денис действительно умный и образованный человек, и не вздумай упрекать себя в том, что ты влюбилась в идиота. Он не идиот. Он — перверзный нарцисс, это известная и хорошо описанная в литературе патология. Ты не специалист и не обязана была быстро разобраться, ты просто влюбилась в красивого умного человека. Но ведь разобралась ты достаточно быстро.

— Недостаточно, — уныло возразила Дуня.

— Не спорь, Дуняша. Тебе хватило всего нескольких месяцев, а тысячи, десятки тысяч женщин живут рядом с такими типами годами, не понимая, что происходит на самом деле.

— Откуда ты знаешь?

— В книгах прочитал. О газлайтинге уйма литературы написана. Да и своими глазами видел, среди моего контингента нередко попадают и сами газлайтеры, и их жертвы. Впрочем, газлайтеры, как мужчины, так и женщины, чаще попадают в не очень живом виде. — Он улыбнулся. — Случается, что либо у самой жертвы лопаются терпение, либо она находит себе заступника. Но это к делу не относится. Самое главное: тебе не в чем себя упрекнуть. Ты была честна со мной. И теперь тебе остается только проявить такую же честность по отношению к Денису.

— Но я не обманывала его! Я сразу ушла, как

8 только поняла...

— Речь не об этом.

Роман быстрыми глотками допил чай и снова сел на диван рядом с ней.

— Скажи, ты разговаривала с Денисом после того, как вернулась в Москву?

— Да... Он звонил... каждый день... Я тебе не говорила, потому что... Я не могу объяснить! — в отчаянии почти выкрикнула Дуня. — Мне стыдно. Я чувствую себя такой ничтожной, глупой...

— А что с соцсетями?

— Здесь проще, я не выхожу. Когда уезжала — всех самых важных людей предупредила, что меня какое-то время не будет, никто и не беспокоится. Почту проверяю, но Денис не писал мне, он предпочитает звонить.

— Ну, это понятно, — усмехнулся Роман. — Классика жанра. Так вот, вернемся к твоей честности. Я сейчас задам вопрос, если не хочешь — вслух не отвечай, но сама себе ответь обязательно. Готова?

— Да. Спрашивай.

— Когда тебе звонит Денис, какое чувство ты испытываешь?

— Страх, — быстро ответила она.

— Можешь вслух не говорить, — напомнил Роман.

— Мне нечего от тебя скрывать. — Она слабо усмехнулась. — Я же честная.

— Хорошо. Страх возникает в тот момент, когда ты понимаешь, что звонит Денис, или по ходу разговора?

— Сразу. Как только я вижу, что звонок от него. А потом, по ходу разговора, появляется ужасное раздражение. И злость.

— Злость на него?

— Нет, на себя. Я злюсь, потому что испытываю страх, и мне стыдно, что я боюсь даже не человека, а просто голоса в телефоне. Мне стыдно, что я такая слабая и трусливая.

— И что происходит потом?

— Зависит от того, где я нахожусь, в каком настроении, в каком окружении. Иногда мне удается скрыть свои эмоции, как-то отшутиться, более или менее удачно... Но так бывает редко. Чаще я просто пытаюсь отбиться от ударов, а потом реву, как дура.

Она вдруг задумалась над собственными словами. Почему Ромка задает эти вопросы? Ведь за последние полгода они десятки, да что там десятки — сотни раз говорили об этом, и Дуня рассказывала ему все то же самое, что и сейчас. Ничего нового.

Ничего нового? А ведь Ромка прав, после возвращения в Москву реакция Дуни на звонки бывшего любовника стала иной. Да, страх по-прежнему возникал, стоило ей увидеть на дисплее смартфона имя Дениса, но он сменялся раздражением мгновенно, еще до того, как она успевала ответить на звонок. И если до отъезда в ее голове вертелась во время разговора одна-единственная мысль: «Пожалуйста, не трогай меня, не унижай меня», то после возвращения мысль стала иной: «Господи, как ты мне надоел!»

Она подняла на Романа удивленные глаза.

— Ты прав, Ромчик. Я вдруг поняла, что ты прав. Поездка пошла мне на пользу. И я обязательно поеду туда еще раз. Совершенно не понимаю, как оно работает, но оно работает!

— Тогда в душ и спать, — весело скомандовал он. — На сегодня психологический тренинг закончен.

— Но ты говорил о честности по отношению к Денису... Мы не договорили, — возразила Дуня.

Она не любила разговоров, брошенных на полпути, даже если недоговоренная часть обещала быть малоприятной или тяжелой. Врать, уклоняться и избегать — эти три глагола обозначали для Дуни все то, что она считала неприемлемым для себя.

— Дуняша, уже поздно, пора спать.

— Завтра воскресенье, — упорствовала она. — Я все равно не засну, пока ты не объяснишь.

Она понимала, что Ромка устал, он сегодня опять работал с раннего утра, но понять его мысль казалось ей самым важным на сегодняшний день.

— Хорошо, я скажу, — сдался Роман. — Но только при условии, что мы не будем это обсуждать, ладно? Я просто скажу, ты выслушаешь, ничего не ответишь, и мы ляжем спать.

Он снова подошел к окну, несколько раз глубоко вдохнул прохладный, сырой после дождя воздух, и Дуня видела, как играют и переливаются под кожей накачанные мышцы спины.

— Ты можешь быть честной по отношению к Денису и сказать ему, что его звонки и интеллектуальные домогательства вызывают у тебя раздражение, и вообще он тебе надоел. И попросить его больше не звонить, потому что тебе это неприятно, тебя это нервирует, расстраивает, и после разговоров с ним ты плохо себя чувствуешь.

— Я не могу, — быстро ответила Дуня.

— Дуняша, мы договорились не обсуждать. Я знаю, ты считаешь такое поведение проявлением слабости, признанием того факта, что у тебя больше нет сил сопротивляться. И это действительно так. У тебя больше нет сил. Ты не хочешь сменить номер телефона, потому что не хочешь прятаться, считаешь это унижительным для себя. Это я понимаю. Но можно ведь не прятаться, не избегать украдкой, а прекратить контакт совершенно открыто, по-честному, прямо. Сказать: «Ты мне надоел, ты меня достал, ты меня раздражаешь, я не хочу больше тебя слышать, поэтому я меняю номер телефона, чтобы ты не мог больше меня тронуть». И после этого действительно купить новую симку.

— Но...

— Все, Дуняша, мы договорились: спать и никаких обсуждений. Я зерно в землю бросил, пусть оно прорастает.

Заснуть долго не удавалось: теплым июньским субботним вечером в расположенном в доме напротив ресторана гуляла широкая свадьба с оглушительным музыкальным сопровождением.

— Ромчик, а почему ты так долго ждал, ничего не спрашивал? Почти две недели прошло, как я вернулась, а ты молчишь...

— Ты тоже молчала.

— Я не знала, что сказать, как объяснить...

— А я не знал, как спросить. Дуняша, все должно созреть, и фрукты, и ягоды, и разговоры, и мысли. Незрелым можно отравиться.

Дуня свернулась клубочком, уткнувшись носом в Ромкину шею.

— Ты такой мудрый, Ромчик, прямо страшно иногда бывает. Мы с тобой ровесники, а ты как будто лет на двадцать старше меня. Я всегда этому удивлялась. Почему так?

— Хороший вопрос на пятом году знакомства! — хмыкнул Роман.

— Вот я все эти годы им и мучаюсь. Заразилась от тебя желанием все понять. Ты от природы такой или просто читал много?

— Учителя хорошие были.

— Кто?

— Ты всех их знаешь. Дядя Назар, Антоха Сташис. И еще Анастасия Павловна. Мне вообще по жизни на учителей повезло.

— Это верно, — со вздохом отозвалась она, — тебе повезло, не то что мне. У тебя целых трое,

12 а у меня ни одного такого не было...

Дуня внезапно повернулась, вытянула ноги, приподнялась на локте.

— Кстати, о дяде Назаре. Он ведь наверняка знает, что будет в квесте.

— Думаю, да, знает. Хочешь, чтобы я спросил?

— А можно?

— Нельзя, — твердо ответил Роман. — Поэтому лучше не хотеть. Пойдем яичницу по-грузински пожарим, с помидорами, сыром, луком и зеленью, раз уж все равно не спим.

Дуня с готовностью выскочила из-под махровой простыни, которой они укрывались: под одеялом было жарковато.

— Пошли!

В два часа ночи они, полуголые, уплетали на маленькой кухне тесной съемной квартирке яичницу по-грузински и были совершенно счастливы.

* * *

— Тим, чего сияешь, как фальшивый пятак?

Тимур не заметил, как сзади подошли Боб с Люсиндой. Боб был уважаемым чуваком в их сообществе, окончил музыкальное училище и фанател от рока восьмидесятых. Люсинда, его новая подруга, вошла в общество совсем недавно, смотрела на Боба влюбленными глазами, носила длинные сарафаны из голимой джинсы и фенечки на запястьях и изо всех сил старалась выглядеть преемницей движения хиппи. Даже матерчатые сумки на длинных ручках и с аппликациями шила сама. Тимур до недавнего времени учился в художке, мнил себя живописцем и полагал, что вправе оценивать вкусы других. Ну, по крайней мере, вкусы Люсинды. На его просвещенный взгляд, Люсинда как творец визуальных объектов никуда не годилась. Но он молчал. Из уважения к Бобу,

конечно, а вовсе не из стремления не обидеть девчонку.

— Прикинь, нашел, наконец, «Смену-8»! — радостно сообщил Тимур. — Весь инет облез, всю клавиатуру стер, пока договорился за нормальные бабки. Завтра поеду забирать.

— Зачем тебе? — небрежно поинтересовался Боб. — У тебя же «ЛОМО» есть, зеркалка.

— Зеркалку туда нельзя, там строго.

— Туда? Куда это? Э, алё, — обратился он к бармену, — сделай нам, как обычно.

Они сидели в дешевой забегаловке, гордо именуемой баром «Калимера». Завсегдатаи — старшеклассники и студенты — быстро переделали красивое греческое слово в «Кикимору», и новое название изустно кочевало из поколения в поколение, от самых первых безденежных клиентов девяностых до нынешних, чаще всего вполне обеспеченных: бар был местом постоянной тусовки разных групп, в том числе и местных хипстеров.

Боб взгромоздился на табурет перед стойкой, отпил сделанный барменом напиток — виски с колой — и снова спросил:

— Так куда — туда?

— Я же рассказывал, — с досадой ответил Тимур. — На квест. Там можно пользоваться только аутентичными аксессуарами, сделанными не позже восьмидесятого года. Забыл, что ли?

— Ага... — вяло протянул Боб.

По его лицу было понятно, что он не просто забыл — даже и не собирался запоминать, а ведь Тимур своим френдам-хипстерам все уши прожужжал о прикольном квесте, на котором можно будет погрузиться в настоящее ретро. На Боба Тимур не обиделся:

14 Боб — это Боб, эталон, гуру, он сам имеет право

решать, что запоминать, а что выбрасывать из головы. Да и вообще Тимур не был обидчивым, он любил всех своих многочисленных друзей и радовался, что они тоже любят его.

Но неожиданно интерес к теме проявила Люсинда, обычно молчавшая и только с обожанием глядевшая на своего Боба.

— А зачем тебе нужна обязательно «Смена»? У моего дедушки был «ФЭД-2», и я точно помню, как он рассказывал, что учился фотографировать им, когда еще был школьником. Значит, это совсем старая модель. Еще вроде «Зенит» какой-то был, дедушка про него тоже рассказывал. Чего тебе «Смена»-то уперлась? Сказал бы, что тебе нужен ретрофотик, я бы дедушкин принесла, он до сих пор на антресолях валяется.

— Дитя! — презрительно фыркнул Тимур. — «Смена» выпускалась на Ленинградском оптико-механическом объединении, она — прабабушка наших «ломушек». А в нашей среде принято фоткать только на «ЛОМО», разве не знаешь? Можно было и «ЛОМО-сто тридцать пять Вэ Эс» поискать, она тоже по времени производства вписывается, но «Смена» намного лучше и по техническим характеристикам ближе всех к «ломушкам». А та модель, которая у меня, выпускалась с восемьдесят третьего года, ее не разрешили.

Конечно, Люсинда в сообществе совсем недавно, но уж такие-то основополагающие вещи, как обязательное наличие «яблочной» техники и зеркалки «ЛОМО», должна бы знать. Но она, как и все девчонки, больше думает о том, как выглядеть, а не о технических характеристиках того, чем можно и нужно пользоваться. Очки в массивной оправе нацепила, весь прикид — ручная работа, штучное изготовление, пусть и не дизайнерское, а самопальное, но глав-

ное требование соблюдено: вещи уникальные. Так что к внешнему виду Люсинды претензий нет. А всему остальному научится постепенно. И группы правильные научится любить под руководством музыканта Боба.

Следующий вопрос Люсинды Тимура озадачил.

— А все остальное? Реактивы, увеличитель, кюветы? Тоже аутентичное должно быть? Или можно наше?

Черт! Как же он не подумал об этом? Лопух! Лох педальный!

— Не знаю, надо спросить.

— А пленка, на которую снимать? — не отставала настырная девица. — Тоже нужно старую искать?

— Да прям! Пленка столько лет не проживет, ссохнет, — авторитетно заявил Тимур.

Но Люсинда права, все эти вопросы нужно прояснить, пока еще есть время.

Боб прижал к уху мобильник и, лениво роняя слова, вяло и нудно выяснял отношения с собеседником, купившим какие-то «не те» усилители, да еще и переплатившим за них чуть не вдвое... Люсинде было скучно, и она полностью переключилась на Тимура.

— Это всё нужно для того квеста, о котором ты рассказывал?

Ну вот, хоть Люсинда не забыла, уже приятно. Тимур кивнул с важным и загадочным видом.

— И там все по-серьезному? Прям совсем ничего нельзя?

— Ничего, — подтвердил он. — Можно только то, что было в семидесятые, или максимально близкие аналоги. Короче, ретро в бэк, по полной схеме, даже одежда и еда.

— Прикольно! — Глаза девушки загорелись. —

И фотки будешь по ходу выкладывать? Каждый день? И блог вести?

— Дитя! — снова фыркнул Тимур. — Неврубинштейн! Тебе русским языком объяснили: интернета нет, телефонов мобильных нет. Какие блоги? Какие фотки каждый день? Ты вообще чем слушаешь?

Нет, он совсем не хотел обижать или унижать подружку Боба, он был мирным и приветливым пареньком, но так хотелось осознания собственной значимости, неординарности, непохожести на других... Так хотелось внимания, признания собственной уникальности... А соблазн выпендриваться перед девчонкой Боба оказался столь велик... Тем более что сам Боб не обратил ни малейшего внимания на рассказы Тима ни об отборочном туре, ни о предстоящем квесте, и это задевало. В их сообществе всего три главных пункта, три иконы: ретро, уникальность и антипопулярность. Неприлично носить то, что носят все, зато бабушкин платок с нашитыми на него прибабасами — самое оно. Никаких очков в легкой гибкой титановой оправе, только старомодные, похожие на роговые, а если зрение хорошее — вставляй простые стекла, но очки должны быть. Неприлично любить то, что нравится всем. Если ты выкопал на задворках интернета группу, о которой никто не знает, — ты большой молодец, даже если музыка, которую они исполняют, тебе ни разу не в тему. Ну как, как можно было не отреагировать на инфу о том, что Тим получит возможность окупиться в период семидесятых годов прошлого века?!

Ну и фиг с ним, с Бобом, пусть даже он самый уважаемый чувак, зато почти все остальные друзья Тимура восприняли информацию про квест с огромным интересом, заранее сожалели, что Тима целый месяц не будет в сетях и не будет ежедневных фотоотчетов с реальными прикидами семидесятых и старой техникой, но выражали готовность ждать, когда квест закончится и Тим снова сможет пользоваться

современными технологиями. Он окажется в центре внимания, а все будут рассматривать его фотографии, восхищаться, комментировать, слушать его рассказы, раскрыв рот. Да он после квеста столько лайков наберет — другим и не снилось! И число подписчиков увеличится раз в десять, что немаловажно: когда количество подписчиков на твои обновления достигает определенной цифры, тебе начинают предлагать размещать на своих страницах платную рекламу. Конечно, родители пока Тимур в финансах не отказывают, дают, сколько попросит, но каждый раз просить так противно! Да еще и объяснять, на что именно нужны деньги. Хочется быть независимым, ничего не просить и тратить, сколько нужно. Но до самостоятельного заработка еще далеко, художку Тим бросил, болтается без дела, собирается в следующем году поступать куда-нибудь на журналистику, а пока начнет с осени ходить на курсы, в творческий семинар, чтобы через год было что предъявить приемной комиссии. Он и в этом году пытался подать свои очерки на творческий конкурс, но не прошел, так что до вступительных экзаменов его не допустили. Ничего, вот проведет месяц в поселке, окунется в ретрообстановку и сможет потом написать такое, чего никто из других абитуриентов не напишет. Правда, Тимур пока еще совсем не представлял, о чем именно сможет написать, чтобы получилось свежо и оригинально, но это его не особенно беспокоило. Да, никаких идей нет, но ведь целый год впереди, и идеи непременно появятся.

В бар подтягивались все новые и новые приятели, становилось шумно, разговоры, смоченные алкоголем, делались все оживленнее и эмоциональнее, и на какое-то время Тимур совсем забыл о Люсинде и ее словах.

Опомнился — и заторопился домой. В принципе, всем тем же самым можно было заняться

и в баре, со смартфона, но не хотелось делать это на глазах у всех. ореол таинственности не помешает для подогревания интереса.

Прибыв домой, Тимур сразу уселся за компьютер. Собрался было начать с поисковика, но снова вспомнил Люсинду: у нее дома валяется старый фотик, и если бы он вовремя спросил, она бы одолжила ему, причем бесплатно. Конечно, «ФЭД-2» ему не подошел бы, но сама мысль показалась вполне дельной. Прежде чем начинать искать, нужно все выяснить.

Он зашел на Фейсбук, на страницу Юрия. Завхоз сказал, что присутствует во всех сетях и его легко найти, на аватарке не картинка, а подлинная фотография. Тимур, как только получил у старика Назара свои гаджеты, сразу же подошел к Юре, нашел и забендил все его страницы. Юра ему нравился, он был общительным, простым, не строил из себя великого ученого и большого начальника, как все остальное старичье на отборе, и с первого же дня разрешил Тиму обращение на «ты». Кроме того, Юра суперски разбирался во всех направлениях рока, знал наизусть и мог с любого места пропеть огромное количество знаменитых в прошлом вещей и классно играл на гитаре. Да и внешний вид у него был больше «ретро», чем «в тренде». Быть в тренде считалось неприличным в сообществе, к которому принадлежал Тимур, поэтому в завхозе Юре парнишка сразу почуял родственную душу.

«Привет, есть срочный вопрос по фототехнике, мажкни, когда выйдешь».

Такое же сообщение Тимур оставил Юрию во всех социальных сетях. Потом зашел на сайт квеста. Еще в самом начале, до первого собеседования по скайпу, Тим обратил внимание на то, что на сайте выкладываются полная информация обо всем и обо всех, с фотографиями. Сначала висел список тех, 19

кто подавал заявки. Потом появился график проведения собеседований с указанием времени, потом — перечень тех, кого пригласили на отбор. В условиях, размещенных на сайте, было сказано, что всем приглашенным на отбор предлагается завести временные почтовые ящики для переписки по вопросам участия в квесте. Адреса этих ящиков тоже были на сайте. Такие же временные адреса имелись и у всех сотрудников, перечисленных в разделе «Наши эксперты», и даже у главного — у Ричарда Уайли. Найдя адрес Юрия, Тим для подстраховки продублировал свое сообщение на электронную почту.

В прихожей хлопнула дверь, послышались голоса: вернулись родители с младшей сестренкой. У него, Тима, детство было свободным и безнадзорным, родители оголтело развивали собственный бизнес, сутками пропадая в офисе и неделями — в поездках, и Тимур привык, что ему дозволено заниматься чем угодно, лишь бы нравилось и за это не забирали в милицию. Бизнес предки выстроили, механизм заработал, в семью потекли деньги, тогда и сестричка появилась, но ее растили уже не так, как Тима. Няни, кружки, секции, самая крутая в городе гимназия... У бедного ребенка нет ни одной свободной минуты. Вот сегодня в драматической студии отчетный спектакль, и родители, конечно же, пошли. Они и Тима пытались с собой взять, но он отказался категорически, сказав, что занят и вообще не желает участвовать в истязании младенцев. Конечно, Ланка уже далеко не младенец, одиннадцать лет исполнилось, но все равно жалко ее ужасно: музыка, театральная студия, рисование, гимнастика. А жить когда?!

— Тима, ты дома? — раздался голос отца.

— Да! — крикнул Тимур.

— Ты ужинал?

20 Это уже мамин вопрос.

— Да! — снова крикнул он, не отрываясь от монитора.

За спиной скрипнула дверь. Шаги отца.

— Жаль, что ты с нами не пошел. Ланочка была лучше всех! И танцевала, и пела, и слова роли ни разу не забыла, не сбилась, не напутала. Ей так аплодировали!

Отец подошел поближе, потянул носом.

— Ты пил?

— Да ну, пап, перестань. Пара пива.

— Ты что же думаешь, я в свои без малого пятьдесят лет не отличу пивной выхлоп от какого-то другого? Ты меня за кого держишь, сын?

Тимур видел, что отец не настроен ругаться всерьез, очень уж хорошее настроение у него было после триумфального выступления его любимицы Ланочки. В верхней части экрана появился значок: пришло новое сообщение. А вдруг это Юра? Если сразу не ответить, он может выйти из сети, и неизвестно, когда появится снова. Нет, затевать бодалово с отцом сейчас вообще не в тему.

— Да, пап, тебя фиг обманешь, — улыбнулся Тимур. — Ты прав, само собой, глотнул крепкого чуток с ребятами в «Кикиморе». Но пара пива тоже была, тут я не соврал.

— Тимур, сколько раз я тебя предупреждал: не смешивай пиво с крепкими напитками! Ты еще совсем ребенок...

Отец, похоже, собрался затянуть лекцию надолго, и Тимура это никак не устраивало. Придется идти вабанк и использовать заготовку, подсказанную Юрием.

— Пап, ты извини, но мне нужно срочно ответить на сообщение, это касается квеста, на который я поеду. Я должен хорошо к нему подготовиться. Согласен, я еще маленький совсем, зеленый, поэто-

му многого не понимаю. Но именно поэтому для меня так важно попасть на квест и пройти его, чтобы меня не вытурили оттуда раньше времени. Я хочу понимать больше. И для меня важно научиться понимать тебя и маму, и вообще всех тех, кто вырос в семидесятые. Потому что именно ваше поколение сегодня определяет все в экономике и политике, люди вашего поколения много лет будут моими наставниками и руководителями, и я должен это учитывать, чтобы успешно строить карьеру.

Тимур выдохнул. Когда Юра в первый раз предложил ему такой пассаж, Тим даже головой затряс:

— Нет, мне никогда этого не запомнить и не выговаривать! Да я половину не понял, а с другой половиной не согласен. С какого перепугу я буду называть себя маленьким и зеленым? Да ни за что! И ничего пэренты и прочий антиквариат в нашей жизни не определяют, они вообще ни фига не понимают и не знают, им на свалку давно пора. Нет, я не согласен!

— Тебе и необязательно соглашаться, — ответил ему тогда Юра. — Ты просто выучи и говори, когда будет нужно.

Тимур записал слова в блокнот под диктовку и старательно выучил, хотя сильно сомневался, что пригодится, и еще сильнее сомневался в том, что сработает.

Вроде пригодилось. Теперь посмотрим, сработает ли.

Краем глаза он заметил, что пришло еще одно сообщение, уже в другой сети. Ну точно, это Юра! Хоть бы отец поскорее оставил его в покое...

Но отец молча смотрел на него, и непонятно, чего больше было в его лице — недоверия или любопытства. Вот же блин! Похоже, разговор еще больше затянется. Зря он сделал так, как советовал Юра.

— Не такой уж ты ребенок, сын, как мы с мамой думали. Ладно, занимайся, не буду мешать.

И вышел из комнаты, аккуратно притворив за собой дверь. Сработало! Ай да Юра, ай да завхоз! На его советы и впрямь можно положиться, Юра не налажает.

Сообщения и в самом деле были от него. Примерно через сорок минут активной переписки Тимур смог составить список того, чем можно будет пользоваться, если он захочет проявлять пленки и печатать фотки прямо во время квеста. Правда, пока еще Тим не мог с определенностью решить, нужно ли ему это. Какая разница, когда, где и на каком оборудовании он напечатает фотографии? Все равно размещать их в интернете он сможет только после окончания квеста. Если он вернется в родной город с пачкой готовых снимков и тут же засядет сканировать их, то максимум через час-полтора фотки появятся в Сети. А если он привезет только отснятые пленки и сдаст их в проявку и печать, то получится задержка на день-два. И что? Ради двух дней наживать себе такой геморрой с поиском техники и близких по составу реактивов? Да на фига?! Опять же, деньги придется клянчить у родаков, а он только сегодня утром выпросил на «Смену-8», за которую владелец требовал раза в четыре больше, чем ломокамера 1983 года стоила в комиссионке. Правда, та «Смена» выпущена в 1976 году, если хозяин аппарата не врет. И за разницу в какие-то жалкие семь лет так переплачивать! Жлоб он, этот хозяин камеры. Зато живет всего в сорока километрах от их города. Все остальные варианты, которые удалось быстро найти, находились намного дальше, а полагаться на пересылку почтой Тимур не мог. Предлагал владельцам оформить экспресс-доставку, но почему-то никто не согласился, все, будто сговорившись, твердили одно и то же: никаких экспрессов, никаких электронных переводов, сейчас столько мошенников, я вас не знаю, почему я должен вам верить, приезжайте, отдавайте

деньги и забирайте, только так. Если хотите посылку обычной почтой, то сначала переведите деньги, я их получу и после этого отправлю вам фотоаппарат. Переведите деньги, а он потом пошлет! А если не пошлет? Сами же говорят, что мошенников развелось... Нет, из рук в руки — оно надежнее. И опять же, отдает духом ретро, как в прошлом веке.

Но есть и другой аспект: качество изображения, композиция кадра, светотени, четкость деталей. Тим — художник, пусть и недоученный, и для него такие вещи важны. Если на цифровой камере можно сразу посмотреть, что получилось, то с пленочным фотиком такое не пройдет. Проявить пленку, напечатать и высушить снимок — и только после этого можно оценить, получилось или нет. Если все сделать в городе, то уже не будет возможности переснять неудачные кадры. А если контролировать процесс «по мере поступления», такая возможность остается. Значит, все-таки придется заморачиваться с увеличителем, красным фонарем, кюветами, реактивами и прочими примочками.

Он вышел из своей комнаты, поболтал несколько минут с сестренкой, которой по случаю удачного спектакля разрешили сегодня лечь спать попозже — все равно начались летние каникулы, завтра в гимназию не идти, выслушал короткий и довольно-таки равнодушный, больше для проформы, выговор мамы за то, что не разогрел и не съел ужин, а опять кусочничал, жевал на ходу бутерброды и печенье. Решил испробовать Юрину заготовку и сказал:

— Вы в молодости тоже хватали бутрики и грызли печенье, я знаю, нам на отборе рассказывали. Нас специально там кормили так же, как вас когда-то.

— И что хорошего? — по-прежнему равнодушно проговорила мама. — У папы язва, у меня гастрит и холецистит. А ты должен быть здоро-

вым. Мы столько денег тратим, чтобы кормить вас с Ланочкой хорошими продуктами и разнообразно, а ты только болезни себе наживаешь. Возьмись за ум, Тима, давно пора.

— Возьмусь, — пообещал он и отщипнул хрустящую горбушку от свежего багета. — Только сначала научусь вас с папой понимать, и вообще понимать всех людей из вашего поколения. Поэтому буду временно хавать то, что вы с папой хавали, когда были такими же, как я. Это называется «полное погружение».

Мама не удивилась. Похоже, отец успел поделиться с ней впечатлениями от последнего разговора с сыном.

— Если хочешь погружаться, начни хотя бы книги читать.

— А что вы читали в моем возрасте?

Она пожала плечами, продолжая пить чай из красивой, английского фарфора, чашечки и перелистывая толстый рекламный проспект.

— Читали то, что было модно. Уже не помню названий. Но в основном это были толстые журналы.

— Какие журналы? — непонимающе переспросил Тимур.

— Толстые. Так их называли в народе. А если официально — «Новый мир», «Октябрь», «Знамя», «Москва», «Иностранная литература», «Юность»...

— Глянец?

Мама оторвала глаза от яркой рекламной картинки и посмотрела на него с сожалением.

— Тогда даже слова такого не знали применительно к журналам. Какой же ты серый, Тимур! Ты безнадежен.

Он не обиделся. Он же вообще не обидчивый. И никакие журналы он читать не собирается, ни тонкие, ни тем более толстые. Ни за что на свете Тимур не возьмет в руки то, что считается модным, или

то, чем все зачитываются. Мама считает его серым и безнадежным, потому что не разделяет его идеологию и стремится быть «в тренде», как и все ее окружение. Глупо на это обижаться. Ясное дело, что родаки больше любят Ланку, оно и понятно, он сам ее очень любит, да ее и невозможно не любить, она такая красивая, такая ласковая и солнечная девочка, такая талантливая во всем, чем занимается. А Тимур для них нечто вроде неудачного эксперимента, превратившегося в чемодан без ручки: получилось не так, как задумывалось, но выбросить жалко. Тимур это понимал, но совершенно не комплексовал, наоборот, радовался: от него по-прежнему, как и в детстве, ничего не ждут и ничего особо не требуют, зато деньги дают, и можно жить, как хочется, а не как нужно. Вот Ланке точно не повезло, на нее возлагают надежды и потом будут грызть, если она не оправдает. Бедная малышка!

Он отщипнул горбушку с другого конца длинного багета и вернулся в свою комнату. Просмотрел окна: за время разговора с сестренкой и с мамой пришло четыре сообщения в одной сети, два в другой, двенадцать в третьей и одно письмо. Письмо висело на том сервере, где Тимур завел временный ящик для получения сообщений, касающихся участия в квесте. «Наверное, от Юры», — подумал Тимур, открывая почту.

Но письмо было не от Юрия. Оно было непонятно от кого. И содержание этого письма Тимура сильно озадачило.

* * *

Восстановившись после приступа, я вернулся к работе, но почему-то все было уже не так. Я не понимал, в чем дело, почему я постоянно отвлекаюсь на посторонние мысли, откуда взялись одолевающие меня сомнения. Неужели на меня так подей-

ствовал разговор с Назаром и данное ему обещание подумать над целью моей затеи? Или дело в погоде, в атмосферных явлениях и магнитных бурях? А может быть, начало сказываться действие препарата, который я принимал ежедневно с момента приезда в Россию и до окончания отборочного тура?

Во мне поселилась неуверенность, выбивавшая меня из колеи и мешавшая готовиться к квесту, я злился и нервничал, но Назару ничего не говорил, надеясь, что он не заметит. Все шло по намеченному графику: по четным числам мы с Семеном тренировали мой слух на восприятие современной разговорной речи, изучали сленг и новые идиомы, по нечетным я работал с Галией и Виленом. Юра проявил инициативу и предложил сделать доску наподобие тех, которые часто показывают в полицейских фильмах.

— Можно сделать трехтворчатую, на правой и левой сторонах будете листки прикалывать, а центральную часть поставим с покрытием, чтобы делать записи фломастером и стирать.

Инициативу я одобрил, и на следующий день у нас появилась доска, работать с которой оказалось и вправду удобнее.

Итак, что же мы имели? Если верить тому, что написала Зинаида Михайловна Лагутина, ее сын Владимир выбрал профессию дипломатического работника и после окончания школы успешно поступил в Московский государственный институт международных отношений. К моменту окончания института он жениться не успел и был оставлен на работе в МИДе, поскольку холостых и незамужних в длительные заграничные командировки не отправляли. Володя был мальчиком серьезным и отнюдь не влюбчивым, к своей будущей избраннице предъявлял крайне высокие требования, как и полагается настоящему комсо-

мольцу и будущему дипломату, поэтому не решился на ранний поспешный брак ради выезда за границу, что, безусловно, свидетельствует о его твердых моральных принципах. Все это повторялось в разных местах записей примерно в одних и тех же выражениях. Институт Владимир окончил в 1978 году, а в 1981 году скоропостижно скончался от сердечного приступа. Проблемы с сердцем, как я уже говорил, впервые были обозначены Зинаидой в 1975 году, когда Владимиру делали аппендэктомию и после этого долго не разрешали приступать к учебе и не выписывали, продержав сперва две недели в больнице, потом почти месяц — дома. О кардиологической патологии, диагностированной в 1972 году, когда десятиклассник Володя подхватил тяжелую ангину, Зинаида заговорила только спустя три года. Возможную причину этого несоответствия мне объяснила Галия, и я ее доводы принял. Но сомнения все-таки оставались: если состояние здоровья действительно являлось одним из решающих факторов при командировании за границу, то почему до поступления в институт о болезни нужно было молчать, а на третьем курсе уже можно говорить? Третий курс — всего лишь третий курс, а не назначение на должность и не направление на работу за рубеж. Следуя логике Зинаиды, ни о каких хронических проблемах со здоровьем нельзя было даже заикаться, пока не пересечешь границу, да и после этого не следовало бы. Однако ж моя сестрица сочла нужным о них упомянуть еще в 1975 году. Почему? Что заставило ее это сделать? О том, что Зинаида ляпнула о чем-то, не подумав, не могло быть и речи: не такова была дочь Майкла Линтона. Значит, у нее имелись на то причины. Какие?

Мы распечатали и повесили на доску отрывки
28 из записей Зинаиды за 1975 год:

«Какой тяжелый получился год, сплошные беды и несчастья! Скончались любимые всем народом артисты: Любовь Орлова, Ефим Копелян, Ольга Андровская, Борис Бабочкин — наш незабвенный Чапаев, Георг Отс — непревзойденный Мистер Икс, красавица Валентина Серова; ушли от нас великий композитор Дмитрий Шостакович, известный хирург Вишневский, писатель-блокадница Ольга Берггольц. Невосполнимые потери для великой советской культуры! Да и у нас в семье не обошлось без сложностей: сначала Володю срочно положили в больницу и прооперировали по поводу аппендицита, он несколько дней жаловался на боли в животе, но не хотел пропускать занятия в институте — учебный год только-только начался. Как и все молодые ребята, оттягивал посещение поликлиники до последнего момента, когда боли стали уже нестерпимыми, и его прямо из кабинета хирурга на «Скорой» увезли в стационар. Я написала заявление на недельный отпуск за свой счет, чтобы ухаживать за Володенькой, кормить его домашней едой и все время быть рядом после операции, моталась из дома в больницу, из больницы на рынок, потом домой, готовила диетическое питание, снова в больницу, потом снова домой, чтобы приготовить ужин для мужа и дочери, и снова в больницу. Эта безумная гонка закончилась тем, что я упала прямо на улице: закружилась голова, потемнело в глазах, и я рухнула, ударившись затылком о тротуар. Прохожие помогли мне подняться, я добралась до дома, подумав, что раз голова не разбита и крови нет, то ничего страшного не случилось. А на следующий день уже не смогла встать, пришлось вызвать врача, и выяснилось, что у меня сотрясение мозга. Из больницы Володю забирал муж, и целый месяц после этого мы с сыном провели в нашем маленьком госпитале: я лечила сотрясение, а он вылеживал

осложнение на сердце, вызванное длительными болями, наркозом и операцией. Никогда не знала, что боль нельзя терпеть долго, это слишком большая и опасная нагрузка на сердце».

Это было написано в начале января 1976 года. Но записи Зинаида составляла и отправляла четыре раза в год, то есть каждые три месяца. И рядом с этим листком я повесил другой, датированный октябрём 1975 года.

«Как хотелось бы описать два летних месяца каникул у детей, наш отпуск в августе на Черноморском побережье Кавказа и начало нового учебного года, тем более что теперь наши дети — оба студенты, Ульяна приступила к учебе на первом курсе Института иностранных языков. Для всех нас это огромная радость, я хотела бы поделиться ею подробнее, но, к сожалению, нет такой возможности. Лежу с сотрясением мозга, читать не разрешают, пишу с трудом, нарушая запрет врачей. Поэтому придется быть краткой. Мы с Володей свалились почти одновременно, он с аппендицитом и осложнением на сердце, я с сотрясением. Оба лежим, лишь изредка встаем, как два беспомощных инвалида. Муж переживает, и мне жаль, что из-за нас с Володей ему приходится нервничать, это отвлекает его от ответственной работы. Ульяна молодец, помогает, как умеет, после института нигде не задерживается, сразу прибегает домой и хлопчет по хозяйству. Она очень беспокоится о нас, следит, чтобы мы вовремя принимали все предписанные лекарства, даже таблетки считает. Удивительная девочка выросла в нашей семье! Такая заботливая, такая внимательная, тщательная! Все запоминает, ничего не упустит.

Мне невыносимо сидеть дома и не работать, я к этому не привыкла, но тошнота и головокружение пока не проходят, и врачи категорически от-

казываются меня выписывать. Володя тоже грустит, и это понятно: он молодой парень, ему хочется нормальной веселой студенческой жизни, а он вынужден лежать в постели и не выходить из дома. Ничего, это временные трудности, мы поправимся, и все наладится».

В 1979 году Зинаида отчиталась о том, как возмущены были ее коллеги скандалом вокруг альманаха «Метрополь», как горевала вся страна, оплакивая 178 погибших при столкновении самолетов над Днепро-дзержинском, в том числе футболистов ташкентской команды «Пахтакор», как радовались за советских хоккеистов, снова ставших чемпионами мира. Подробно описала впечатления от премьерного спектакля во МХАТе по пьесе Александра Гельмана «Мы, нижеподписавшиеся», на который ходила с мужем и дочерью. Покрытиковала, причем весьма пространно, фильм «Осенний марафон», премьеры которого состоялась в декабре, перед самым Новым годом. О сыне же упомянула всего в одной фразе:

«Володя, к сожалению, не смог пойти с нами в театр на премьеру пьесы Гельмана: он очень любит свою работу, старается научиться всем премудростям как можно быстрее, боится совершить ошибку или допустить оплошность, поэтому все перепроверяет и переделывает по нескольку раз, засиживается в министерстве допоздна, очень устает».

Этот отрывок тоже был помещен на доску.

И, наконец, цитата из отчета за 1980 год, написанного в январе 1981 года:

«Не могу не поделиться материнским беспокойством по поводу Владимира. Он по-прежнему ни с кем не встречается и о создании семьи даже не думает, хотя ему уже 25 лет. Он вполне освоился на работе в министерстве и теперь уже не засиживается

допоздна, успевает выполнить все задания в рабочее время, но вечера проводит не с девушками и не с друзьями, а в нашей районной библиотеке. Конечно, я как мать должна радоваться, что наш сын любит книги и тянется к знаниям, но мне так хочется внуков! И так хочется, чтобы Володя устроил, наконец, свою личную жизнь. Не стану скрывать, у меня были опасения определенного рода, ведь молодые умы так неустойчивы, даже если ребенку дали правильное советское воспитание, поэтому я ходила в библиотеку и проверила, действительно ли Володя ее посещает. Заведующая оказалась очень любезной, попросила сотрудниц из абонемента и читального зала все уточнить, к ней в кабинет тут же принесли формуляры, и я убедилась, что наш сын и в самом деле почти каждый вечер сидел в читальном зале, брал произведения классиков русской и зарубежной литературы, читал и делал выписки. Мы обсудили эту информацию с мужем и пришли к заключению, что у нас нет оснований беспокоиться о мальчике, который много работает, а в свободное время думает не о девицах и не о гулянках, а о великой русской литературе. Что ж, внуки подождут. Тем более Ульяна пользуется повышенным вниманием со стороны юношей и наверняка скоро выйдет замуж, так что без внуков мы с Николаем Васильевичем не останемся».

Исходя из текстов Зинаиды, получалось, что Владимир Лагутин выбрал карьеру в МИДе, еще будучи школьником, старательно готовился к поступлению в институт, с интересом учился, с удовольствием работал на должности клерка, в свободное время посещал библиотеку и читал классиков, серьезных отношений с девушками не заводил, о женитьбе не думал. С моей

32 точки зрения, которую вполне разделял и Назар, такая картинка сильно пахивала ненауч-

ной фантастикой. Мечтать о карьере дипломатического работника, серьезно готовиться к вступительным экзаменам, с интересом постигать науки — и после этого чувствовать себя счастливым, перебирая бумажки за столом и не имея других перспектив только потому, что не успел вовремя жениться?

— Бред! — убежденно отрезал Назар. — Любой нормальный молодой человек женится на ком угодно при таких раскладах, хоть на кривой, хоть на горбатой, лишь бы анкета была подходящей.

Я был полностью согласен с Назаром, ведь наличие «Записок молодого учителя» совершенно однозначно свидетельствовало о том, что Владимир о карьере в МИДе не мечтал ни одного дня. Он хотел быть учителем литературы, но не посмел пойти против воли родителей.

— Думаю, твой многоюродный племянник специально не женился, чтобы родители не кинулись пристраивать его в загранку, — предположил мой друг.

В этом, как мне казалось, был резон. Какая-то личная жизнь у Владимира наверняка была, но он тщательно скрывал ее от родителей, главным образом — от матери, чрезмерно активной и любопытной. Зина, хитрая и лживая, помешанная на идее отправить детей на работу за границу, не погнушалась бы ничем, лишь бы поскорее женить сына хоть на ком-нибудь более или менее подходящем. Но если личной жизни и в самом деле не было, то этому тоже должна быть причина. Какая? И не в той ли загадочной Алле, непонятно куда исчезнувшей с горизонта, эта причина кроется?

Следующим вопросом, не дававшим мне покоя, было неожиданно благосклонное отношение родителей к тому, что Ульяна не захотела становиться переводчицей и перевелась в Текстильный институт. Об этом я уже говорил ранее, так что

повторяться не стану. Почему дочери позволили то, чего не позволили сыну? Зинаида, как обычно, ограничилась лозунгами о свободе выбора и о том, что нельзя губить талант:

«Ульяна старательно учится, она девочка ответственная, и если взялась за что-то — обязательно доводит до конца, но мы с мужем видели, что она тянется к рисованию и тоскует без своих альбомов. Мы с ней поговорили по душам, и Ульяна призналась, что профессия переводчика нравится ей намного меньше, чем раньше, когда она еще училась в школе, а рисование — ее истинное призвание. Я посоветовалась с мужем, и мы решили предоставить дочери свободу выбора. Она захотела учиться в Текстильном институте».

Ульяна поступила в Институт иностранных языков в 1975 году, а с 1977 года училась уже в Текстильном. О переводе в другой институт Зинаида кратко написала в отчете за июль — сентябрь 1977 года, а в записках за следующие три месяца вдруг ударились в подробности, которые почему-то решила опустить ранее. Подробно эти касались того, как проявлялся в предыдущие периоды интерес дочери к дизайну тканей и моделированию одежды. Например, в январе 1978 года Зинаида решила отчего-то припомнить, как они всей семьей в марте 1977-го (!) смотрели Чемпионат мира по фигурному катанию и как Ульяна комментировала костюмы наших победителей — Родниной, Зайцева, Моисеевой и Миненкова — и какие интересные идеи по усовершенствованию этих костюмов высказывала. «Мы с мужем, — писала Зинаида, — тогда спросили у дочери, не поторопилась ли она с выбором профессии, ведь у нее явные способности в области моделирования, но Ульяна уверила нас, что иностранные языки ей очень нравятся и она с удовольствием

34 будет ими заниматься».

Не обошла моя родственница вниманием и Московский Международный кинофестиваль, прошедший в июле: они ходили и на конкурсные, и на внеконкурсные просмотры, и Ульяна очень внимательно рассматривала одежду иностранных гостей, а дома делала зарисовки и показывала матери со словами: «Мы с тобой сегодня видели вот эту модель платья, а посмотри, насколько лучше она выглядела бы в ткани вот такого цвета или вот с таким рисунком». Одним словом, Зинаида пыжилась и тужилась, чтобы всему миру (но главным образом своим цензорам) доказать, что дизайн текстиля — истинное призвание ее дочери, которое родители замечали давно и готовы были дать дорогу молодому таланту.

Всё это было откровенной ложью от первого до последнего слова. Всё, кроме самого факта перевода из одного института в другой. Но почему? Что произошло?

— Смотри, — соглашался со мной Назар, — твоя Зина решила задним числом подкрепить ситуацию. А что ей мешало все эти подробности рассказать тогда, когда они имели место? Фигурное катание — март, в начале апреля — отчет, и ни слова об этом, с кинофестивалем такая же картина: в отчете за июль — сентябрь ничего не написано, хотя речь шла в том тексте как раз о переводе в Текстильный институт, здесь рассказу про кинофестиваль было бы самое место, но — нет, зато в январе Зинаида вдруг спохватилась. Знаю я эти фокусы. Вместо того чтобы в деталях рассказывать о том, как в Ульяне зреет понимание, что она ошиблась с выбором профессии, Зинаида о чем пишет? Да о чем угодно, только не о том, что действительно важно для исследования. В ее записках, если по уму, должны быть бесконечные упоминания о сыне и дочери, «Ульяна, Володя, Ульяночка, Володенька», а у нее что? Одни сплошные Орловы, Подрабинеки да Снежневский с Моро-

зовым. Она вообще кто, сестрица твоя? Великий психиатр? Или исполкомовский работник, отвечающий за снабжение города промтоварами? С чего ее на психиатрию-то потянуло? Больше покрасоваться не на чем?

Я рассмеялся. Назар верно подметил: Зина так увлеклась рисованием идеальной семьи идеальных партийно-советских чиновников, что порой уделяла в своих записях излишне много внимания темам, не имеющим отношения к целям исследования, но зато показывающим ее саму и членов ее семьи в самом идеологически выгодном свете. Действительно, в отчете за первые три месяца 1977 года об увлечении Ульяны текстильным дизайном не было сказано ни слова, зато несколько весьма объемных абзацев оказались посвящены негодованиям, вызванному деятельностью Хельсинкской группы, осуждению Орлова, Щаранского, Гинзбурга и прочих и горячему одобрению деятельности КГБ по аресту диссидентов. В отчете за апрель — июнь Зинаида выразительно возмущалась «клеветником Подрабинеком», молодым фельдшером московской «Скорой помощи», и всей работой комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях в СССР. В октябре же, описывая события в жизни семьи Лагутиных в июле — сентябре, не обошла вниманием Всемирный конгресс психиатров, состоявшийся в Гонолулу в конце августа: «Не понимаю, как можно было так грязно оклеветать замечательных советских врачей-психиатров Снежневского и Морозова и обвинить их в том, что они руководят систематическим злоупотреблением психиатрией в политических целях в нашей стране. Это наглая беспринципная ложь!»

Слова Назара о том, что Зинаида не жизнь семьи описывала, а искала, на чем бы еще покрасоваться, меня развеселили, и я вдруг увидел, насколько прав мой друг. Все в том же 1977 году много

внимания было уделено обсуждению новой Конституции на открытых партсобраниях, к которым Зина, разумеется, ответственно и тщательно готовилась и на которых, само собой, выступала. А уж сколько места заняли описания Первой Московской международной книжной выставки-ярмарки — даже передать невозможно! Но тут Зинаиду можно хоть как-то оправдать, все-таки книги — это тоже товары, ими снабжаются книжные магазины, и тема была ей пусть минимально, но по профилю работы. В записках, составленных в течение того года, были и Всемирный форум миролюбивых сил, проходивший в Кремлевском дворце съездов; и взрыв в метро на перегоне между станциями «Измайловская» и «Первомайская», при котором погибли 7 человек и 44 получили ранения и травмы; и пожар в гостинице «Россия», в котором погибли 42 человека; и премьера фильма Алексея Германа «Двадцать дней без войны»; и смерть певца Сергея Лемешева и актера Алексея Грибова; и даже гибель эмигранта Александра Галича (не без злорадства, дескать, вел бы себя прилично, любил Родину, так не пришлось бы уезжать, и был бы сейчас жив). Чего только не было в этих записях!

Чего не было? Не было сына Владимира. И почти совсем не было дочери Ульяны.

— Неудачные, видать, детки-то получились, — заметил Назар. — Правду написать совестно, а открыто врать страшно, вдруг там, где положено, знают, как оно есть на самом деле. Так уж лучше промолчать, обойти. Уверен, что Зина твоя подвирала, где только могла, но аккуратно, чтобы ее не уличили.

— Что же может быть неудачного в сыне — работнике МИДа? — удивился я. — Да и дочка вполне удалась, иначе она в США не нашла бы так быстро работу по специальности. Коль нашла — зна-

чит, она действительно хороший дизайнер и дело знает.

Назар пожал плечами.

— Будем разбираться.

Именно для этого я и затеял свой проект. Ульяна молчит, придерживает информацию для своего сыночка Энтони. Значит, моя задача — заставить говорить Владимира.

* * *

Доктор Эдуард Качурин оказался человеком мало-приятным, но специалистом вполне компетентным. К первому визиту в поселок, состоявшемуся сразу после окончания отборочного тура, когда участники еще только разъезжались, он подготовился, как написала бы моя троюродная сестрица Зинаида Лагутина, «ответственно и тщательно».

— Я поднял литературу, старые учебники и справочники, поговорил со стариками-врачами, которые практиковали как раз в семидесятые, и с фармацевтами, так что более или менее представляю объемы и протоколы оказания медицинской помощи в интересующий вас период, — заявил он, едва мы встретились в поселке, в моей квартире на пятом этаже.

Вид у доктора был угрюмый и какой-то не то растрепанный, не то помятый, не то побитый жизнью. Я помнил, что он в свое время лично явился, чтобы попроситься на работу в мой проект, и это заочно расположило меня к нему, но теперь, глядя на длинное унылое лицо Качурина и слушая его неторопливую выверенную речь, я испытывал что-то вроде неприязни. Чем вызвана эта неприязнь, я понял не сразу. Сообразил только тогда, когда на следующий день болтал за завтраком с Назаром, Галией и Ириной.

38 Их речь была живой, фразы — короткими, ме-

ждометия — выразительными и уместными. Качурин же разговаривал так, словно зачитывал наукообразный доклад. Вот что меня раздражало: академичность речи.

Я поразился. Совсем еще недавно я сам отмечал, что мой русский язык значительно отличается от того русского, на котором общаются люди в этой стране, и по лексике, и по строению фраз. Почему же меня так задевает в другом человеке особенность, присущая мне самому?

— Скажите-ка, друзья мои, — обратился я к сотрапезникам, — я все еще разговариваю как будто учебник вслух читаю? Или речь уже стала полегче?

— Значительно легче, Дик, — первой отозвалась Галя. — Вы вполне освоились.

— Наблатыкались, — озорно подмигнула Ирина. — Знаете такое слово?

Галя расхохоталась, а Назар, перехватив мой недоуменный взгляд, удовлетворенно кивнул:

— Это значит «научился, приобрел навык». У тебя заметный прогресс, но поле для совершенствования еще велико. Ты, главное, не комплексуй, будь проще.

С манерой Качурина строить длинные правильные фразы я примирился, но доктор все равно был мне почему-то неприятен. Хотя его профессионализму я отдал должное еще тогда, в поселке, когда он мерным, почти лишенным интонаций голосом диктовал нашему Юре список оборудования и препаратов для организации нашего маленького временного медпункта.

Теперь же пришло время обратиться к помощи Эдуарда для прояснения картины с состоянием здоровья Владимира Лагутина, а заодно и его матери Зинаиды, поскольку в корректирующих записях, составленных уже после эмиграции, Зинаида много чего понаписала, но ту историю с сотрясением мозга

не упоминала. И к ранее сказанным словам о болезни сына тоже ничего не прибавила.

Пока я в общих чертах обрисовывал Качурина ситуацию, перемежая свой рассказ цитатами из распечаток, он слушал с закрытыми глазами и отстраненным выражением лица, чем вызвал у меня еще большее неприятие. Я, старый человек, распинаюсь перед ним, как школьник на экзамене, а он меня даже не слушает, словно ему совсем не интересно!

Когда я закончил, он еще некоторое время сидел, не шевелясь и не открывая глаз, и я даже подумал, что он задремал. Но я ошибся. По-прежнему не поднимая век, он начал негромко бормотать:

— Первая манифестация в шестнадцать-семнадцать лет... Десятый класс... Какие препараты принимал — неизвестно... Скорее всего...

Далее следовало перечисление каких-то лекарств, названия которых ровным счетом ничего мне не говорили.

— Вторая манифестация через три года на фоне апендэктомии, наркоза и длительного болевого синдрома... Потом на протяжении пяти лет ничего... Он чувствует себя здоровым, оканчивает институт, приступает к работе, трудится успешно и много, начинает ходить в библиотеку, писать «Записки учителя»... И через год — летальный исход... Летальный исход...

Похоже, я недооценил нашего доктора. Он все слышал и все запомнил.

Внезапно веки Качурина резко поднялись, из-под них блеснули глаза.

— Я могу посмотреть эти «Записки»? — деловито спросил он.

— Конечно.

Я протянул ему папку с распечатками. Качурин едва взглянул на первую страницу распечаток и не-

довольно поморщился.

— Это мне не интересно. Мне нужна рукопись. Вы же не станете меня уверять, что в восьмидесятом году ваш родственник набирал тексты на компьютере? Я хочу увидеть рукописный текст.

— Есть сканы на флешке. Но если вы настаиваете, их можно распечатать.

— Сначала покажите на мониторе, потом я скажу, нужно распечатывать или нет.

Похоже, этот доктор чувствовал себя здесь самым главным. Практически боссом. Назар, Галия и психолог Вилен молча и с любопытством наблюдали за нашим диалогом, а я снова почувствовал себя школьником, стоящим навтыяжку перед экзаменаторами. И я действительно в этот момент сдавал экзамен, к которому не готовился заранее: экзамен на выдержку и здравый смысл. Взрослое мудрое понимание того, что результат важнее мелких амбиций, боролось во мне с детским глупым стремлением непременно поставить собеседника на место и показать, кто здесь главный. Что победит? И кто из двоих во мне окажется сильнее, старик на исходе восьмого десятка или юнец, в которого постепенно, но неминуемо превращаются все, кому повезло миновать семидесятилетний рубеж?

Я вставил флешку и, не говоря ни слова, открыл файл со сканами рукописи. Старик пока еще довольно твердо удерживал свои позиции. Хотя, пожалуй, мое молчание можно считать демонстративным, а это означает, что юнец проколупал-таки щель в заборе и пытается в нее пролезть. Пришлось сделать над собой усилие и улыбнуться доктору, поворачивая монитор к нему.

— Прошу вас!

Тот на улыбку не ответил, сухо кивнул и уставился на экран. Текст он не читал, только просматривал, щелкая мышкой и перелистывая страницы.

Интересно, что он собирался там увидеть?

— Вы утверждаете, что весь текст был выполнен в одном и том же месте? — раздался монотонный голос Качурина.

— Я не утверждаю, ибо не могу этого знать достоверно, но все известные нам обстоятельства говорят именно в пользу этой версии, — ответил я.

Краем глаза я увидел, как давится от смеха наша смешливая профессор Галя Асхатовна, и мне стало неловко. Даже почти стыдно. Ну что это я, в самом деле! Сводить счеты с малознакомым человеком, да еще таким способом... Надо срочно исправлять положение.

— Видите ли, Эдуард, — заговорил я своим обычным тоном, стараясь строить фразы попроще и покороче, — автор записок жил в семье, где мать и сестра отличались повышенной любознательностью. Проще говоря, любили совать нос в чужие дела и в чужие бумаги. Если вы прочтете «Записки», вы сразу увидите, что показывать их посторонним было нельзя. Если бы Владимир делал свои записи дома, кто-то из близких обязательно увидел бы это и проявил нездоровое любопытство: а что это он пишет такое интересное? И тут уж как ни прячь, а все равно найдут, квартира, хоть и просторная, — это не дворец. А вот если не знают, что тетради существуют, то и искать не будут. Где еще он мог делать записи? На улице? В метро? В гостях у друга? Это вызвало бы и любопытство, и подозрения. Единственное место, где ведение записей является совершенно естественным и не вызывает ни у кого излишнего интереса, — это читальный зал библиотеки. И у нас есть все основания верить в то, что молодой человек действительно регулярно посещал библиотеку, подолгу сидел в читальном зале, читал книги и писал свои «Записки». Это подтверждается словами его матери.

— Понятно, — спокойно ответил Качурин. — Значит, мы будем исходить из того, что освещенность, высота стола и форма спинки стула были всегда одними и теми же. Так?

Он перевел взгляд на Галию, и я снова мысленно поаплодировал доктору: он быстро запомнил, кто за какую сферу знаний отвечает в нашей команде.

— Совершенно верно, — откликнулась Галия. — Как правило, в читальных залах районных библиотек стояли обычные столы, без выдвижных ящиков, похожие на парты. К каждому полагалось два стула, тоже самые простые.

— Почему два? — удивился я. — Разве одному человеку нужно два стула, чтобы сидеть за столом?

— Двум, а не одному. В нашей стране принято было сидеть по двое — и в школе, и в вузах, и в библиотеках. Я знаю, что вы привыкли к другому, у вас даже в младших классах дети сидят каждый за своей партой, но у нас было иначе. Конечно, библиотека — это не класс и не студенческая аудитория, читальный зал вряд ли бывал забит до отказа, так что посетители имели полную возможность сидеть за своим столом без всяких соседей, в одиночестве. Но стульев у каждого стола было, тем не менее, два.

— А как же приватность? — не унимался я. — В некоторых языках это называется дискретностью, но смысл тот же: соблюдение личного пространства, личных границ... Как можно вдумчиво и спокойно углубляться в умственную работу, если рядом кто-то сидит, дышит тебе в щеку, толкает локтем, сопит, а то и подглядывает в твою книгу или в тетрадь? Не понимаю! Я бы с ума сошел, наверное. И уж точно не смог бы продуктивно работать.

Мою готовность удивляться и возмущаться прервал монотонный голос Качурина:

— Если физические условия исполнения рукописи были одинаковыми на протяжении всего времени, тогда попрошу вас дать объяснения разительным отличиям в почерке. Хотя даже мне, неспециалисту, очевидно, что почерк принадлежит одному и тому же человеку.

Теперь взгляд доктора был устремлен на Вилену. Очевидно, он ждал разъяснений от нашего психолога.

— Вы хотите сказать, что имело место измененное состояние? — уточнил Вилен.

— В ряде случаев, — кивнул Эдуард. — Несомненно. Судя по вашей реакции, рукописный текст вы не видели и не изучали. Взглянуть не желаете?

Вилен подошел к нему, сел рядом, а Назар вдруг предложил:

— Давайте не будем мешать людям работать. Дик, Галя, пойдемте чайку выпьем.

Мы втроем вышли на террасу, где Юрий, устроившись за столом и обложившись какими-то списками, вел активные переговоры по телефону. Кажется, переговоры касались лекарств, нужных для оборудования медпункта, во всяком случае, я успел услышать, что «я понимаю, что с кофеином — только по рецепту», «да, я в курсе, что в составе пирамидона и амидопирин присутствует кофеин и вообще что это одинаковые препараты» и «нет, парацетамол нельзя, нужно, чтобы был диметиламинопиразолон»... При нашем появлении Юрий быстро собрал свои бумаги и, не прекращая разговора, скрылся в доме.

Назар тут же закурил и сердито сказал:

— Старее я, хватку теряю. Сам должен был догадаться.

— Да мне и самому в голову не пришло, что это может оказаться важным, — признался я.

— Тебе простительно, ты переводчик. А я опер.

44 Я должен был сообразить.

Я видел, что Назар сильно расстроен, и не знал, как его утешить.

— Ты не обязан был помнить про сканы...

— Обязан. Ты мне про них говорил, и я не забыл. Не забыл, видишь ли, а выводов не сделал. И не полюбостраивал посмотреть. А доктор сразу об этом подумал.

— На то он и доктор, — заметил я. — Про сканы знали все, но ведь и Вилен их не смотрел, ему тоже в голову не пришло, хотя он психолог и должен был...

— Да не успокаивай ты меня!

Назар с силой выдохнул дым и тут же снова глубоко затянулся.

— Старый я, никчемный и ни на что больше не годюсь, вот и весь сказ.

— Брось, Назар, ну что ты, ей-богу... Я точно такой же старый, и что теперь? Ложиться и помирать?

Мы оба совершенно упустили из виду, что на террасу вместе с нами вышла Галия. Эта женщина обладала не только чувством юмора и уникальной готовностью хохотать по любому поводу, но и столь же уникальной способностью присутствовать, оставаясь полностью незамеченной. И вовсе не потому, что сама хотела скрываться. Просто такая особенность.

— Ваш чай, господа! — раздался веселый голос Надежды Павловны.

Она вынесла на террасу поднос и принялась накрывать на стол, и только тут мы заметили Галию, которая стала помогать разливать чай. Мы с Назаром смутились, как пацаны, и начали с преувеличенным тщанием рассматривать конфеты в мельхиоровой вазочке, делая вид, что никак не можем выбрать. Вот уж правильно говорят в России: старый — что малый.

— У вас расписание не изменилось? — спросила Надежда. — Артисты наши к пяти часам приедут?

— Да, их Семен привезет, — ответил Назар.

— Значит, ужин на всех готовим? На десять человек?

— На одиннадцать, — поправил я. — Вы все время забываете себя посчитать, Надежда.

Я радовался, что появилась возможность поговорить о чем-то постороннем, отвлечь Назара от его переживаний, а заодно и сгладить неловкость по отношению к культурологу. Посему о числе ужинающих сегодня я готов был рассуждать бесконечно.

— Впрочем, возможно, и на десятерых, если доктор Качурин уедет. Но судя по тому, как они с Виленом углубились в работу, закончат они не скоро. Так что рассчитывайте на одиннадцать.

— Да, Надюша, — тут же подхватил Назар, — попроси Юру, чтобы он принес из кладовки большой сервиз, он специально привез его для тех случаев, когда будем собирать застолье всем коллективом. И загляни, будь ласкова, к нашим труженикам, спроси, может, им чай-кофе туда подать или перекус какой-нибудь.

— Все сделаем, все подадим, не волнуйтесь.

Последние слова Надежда договаривала, уже входя в дом.

* * *

Я как в воду глядел: Качурин с Виленом даже к обеду не вышли, попросили по две чашки кофе и пирожков побольше.

— Вот что компьютеры со здоровьем людей делают, — сокрушенно приговаривала Надежда, собирая на сервировочный столик на колесиках посуду и питание для доктора и психолога. — Мои внуки точно такие же, едят только то, что не мешает пялиться в монитор. А потом удивляемся, почему все больные

46 смолоду.

Я деликатно молчал, ибо и сам регулярно позволял себе подобные погрешности в здоровом питании. Мы пообедали впятером — Галия, Юрий, Надежда и мы с Назаром, после чего я извинился и ушел в свою комнату. Мне хотелось отдохнуть перед приездом артистов. Общество Назара меня не напрягало, присутствия Надежды я вообще почти не ощущал, но сегодня с самого утра пришлось общаться и с Юрием, и с Галией, и с Виленом, и с доктором... Многовато для меня, привыкшего к одиночеству. Утомительно. Шесть человек в доме, не считая меня самого, и еще четверо на подходе, надо собраться с силами.

Мне удалось задремать, однако через полчаса я проснулся, попытался снова уснуть, но безуспешно, еще какое-то время полежал, разбираясь в собственных мыслях, и спустился вниз. Юрий о чем-то болтал с Надеждой на кухне, откуда дразняще тянуло запахами восточных приправ, но больше в доме никого не оказалось. Я вышел на террасу, опоясывающую дом, завернул за угол и обнаружил всю компанию во главе с Назаром: Галия сидела на качелях, Вилен и Качурин — прямо на траве, подстелив под себя какие-то коврики, а Назар стоял перед ними и негромким, но твердым голосом распоряжался:

— ...и еще раз: я считаю до десяти — вы смотрите на зелень, потом я снова считаю до десяти — вы закрываете глаза и мысленно смотрите на точку третьего глаза...

Я подошел к ним.

— Что происходит? Чем вы тут занимаетесь?

— Мучаемся, — мрачно ответил Качурин.

— Они восстанавливаются, — заявил Назар. — Люди сидят, согнувшись в три погибели, и часами без перерыва таращатся в монитор. Да мало того, они еще и рукописные каракули разбирают,

глаза ломают. Это на что ж похоже? Вот я и велел им сесть на травку и смотреть на зеленое.

— А третий глаз зачем? — спросил я.

Назар махнул рукой, осознав всю бесполезность просветительской работы с таким закоснелым ортодоксом, как я.

— Это тоже полезно. Для свежести мышления, — коротко пояснил он. — Сейчас Эдуард с Виленом немножко придут в себя и доложат тебе о результатах их изысканий. Кстати, ты уж не взыщи, но я взял на себя смелость немножко пораспорядиться.

— В каком смысле?

— Они спросили, можно ли открыть файлы со сканами рукописного текста Зинаиды, так я разрешил. Ты ушел отдыхать, не хотел тебя беспокоить, а у ребят работа стояла...

— А что, Зинаида тоже могла быть в измененном состоянии?

Назар хмыкнул и ничего не ответил.

* * *

В комнате, где мы работали, в глаза сразу бросилась доска: доктор и психолог активно пользовались ею. Центральная часть поделена вертикальной чертой на две половины, слева толстым черным маркером написано «Норма», справа — «Пат.», что, по всей вероятности, должно было обозначать патологию, то есть любое измененное состояние, либо спровоцированное стрессом и тяжелыми обстоятельствами, либо вызванное химическими агентами, содержащимися в алкоголе, наркотиках и даже в обычных лекарствах. В правой части я увидел «многословие», «укрупнение», «строки», «проекции» и еще какие-то слова. В левой же части находились «лаконичность», «станд. размер», «строки =»... Эти основные слова были

написаны крупно и тоже толстым маркером, но рядом с каждым словом более мелко и уже фломастером, причем другого цвета, шли названия пьес Горького. Да, поработали доктор с психологом на славу!

— За основу мы взяли «Дело Артамоновых», — начал объяснять Вилен.

— Почему?

— Потому что в «Записках» воспроизведены впечатления и мысли автора на момент первого прочтения, которое имело место в десятом классе. Если пьесы Владимир перечитывал по второму-третьему разу тогда, когда писал «Записки», то есть в двадцать пять лет, то «Дело Артамоновых» изложено в том, самом первом, восприятии. В «Записках» ничего не сказано о том, что автор перечитывал роман. Кроме того, в начале «Записок» автор указывает, что ему двадцать три года, а далее, когда идет разбор пьес, называет себя двадцатипятилетним. Это может свидетельствовать о том, что первый, так сказать, подход к «Запискам» был осуществлен, но не окончен, после чего последовал перерыв примерно в два года, и Владимир снова взялся за работу.

— Допустим, — согласился я. — И что это означает?

— Ну, — Качурин развел руками, — у нас нет оснований предполагать, что мальчик-десятиклассник злоупотреблял алкоголем. Восприятие текста и впечатления от него наверняка были абсолютно чистыми, трезвыми.

— Согласна, — поддержала его Галия. — Мальчик из такой семьи, где ранняя алкоголизация пресекалась бы на корню, для родителей слишком важна была и их собственная репутация, и их карьера, которые пострадали бы неминуемо, если бы парень попался в школе или еще где-то в нетрезвом состоянии. Скандал, исключение из комсомола — и прощай, престижный институт!

— Кроме того, — невозмутимо продолжал Качурин, — ребенок был болен, постоянно находился дома под присмотром бабушки, его регулярно навещал врач. Я полагаю, что измененное состояние в тот период можно обоснованно исключить. Поэтому мы договорились считать структуру фраз и их размер в отрывке о «Деле Артамоновых» эталонными. Мы исходили из предположения, что автор в двадцать три года дословно перенес на бумагу не только сами впечатления от текста, но и те мысленные формулировки, которые сложились у него в голове в шестнадцать лет. Если бы автор «Записок» считал, что роман нужно перечитать, освежить в памяти и переосмыслить, это нашло бы отражение в рукописи. Но никаких указаний на это мы не нашли.

— Теперь понял, — кивнул я. — И какие выводы у вас получились?

— Одну минутку, — вмешался Вилен, — Эдик забыл упомянуть один важный момент.

Ого! Уже «Эдик». Стало быть, подружились... Ну, или, на худой конец, не разругались, тоже хорошо. Хотя, глядя на угрюмое выражение лица доктора Качурина, мне трудно представить, как с ним можно дружески общаться. С другой стороны, Вилен — психолог, и искать подход к любому человеку, даже с самым сложным характером, он должен, наверное, уметь.

— В отрывке, касающемся «Дела Артамоновых», есть абзацы, в которых изложены соображения автора, явно родившиеся позже, не в десятом классе, то есть не тогда, когда произведение было прочитано. Сам отрывок мы условно разделили на две части: первые впечатления и более поздние соображения. Так вот, эталонными мы договорились считать именно первые

впечатления и способ их изложения. Все, что

50 идет после слов «Сейчас, когда мне двадцать

три года», мы относим к более позднему осмыслению. В общем...

Вилен сбился, посмотрел на часы и вздохнул:

— Не буду утруждать вас деталями, скоро приедут наши артисты, и если мы с Эдиком начнем подробно излагать, как и что мы тут анализировали, то застрянем до завтра. Но если честно, мы с ним чуть не подрались.

Угрюмое лицо Качурина дрогнуло и чуть смягчилось. Он едва заметно кивнул:

— Так и есть.

— Давай, Вилен, не тяни, — поторопил Назар, — времени и вправду уже не остается.

— Ну, если в двух словах, то автор «Записок» несколько лет попивал, причем довольно прилично. Иногда он делал свои записи на трезвую голову, иногда — с похмелья, иногда — выпивши. Но эпизоды, когда он работал над «Записками» с похмелья, становились все чаще. Сканы рукописей Владимира находятся в трех файлах, в первых двух — размышления несостоявшегося учителя, в третьем — наброски какого-то художественного произведения. Так вот мы с Эдиком уверенно утверждаем, что эти наброски делались уже практически постоянно в нетрезвом виде. Наброски так и остались лишь набросками, а «Записки молодого учителя» не были закончены. Из чего можно сделать предположение, что алкоголизация нарастала, автор бросил свои литературные затеи и в последний год своей жизни пил, не просыхая. Такая интенсивность пьянства в сочетании с имеющейся кардиологической патологией привела к летальному исходу.

— Но я ведь говорил вам: Зинаида после приезда в США сама написала, что Владимир злоупотреблял спиртным. О его пьянстве мы и так знали.

— Вы не поняли, Дик, — покачал головой

Вилен. — Из текстов Зинаиды можно было сде-

лать вывод, что ее сын проводил много времени в пьющих компаниях, и в этом не было ничего особенного, если учесть его возраст. В России всегда пили много, и на работе, и вне ее, это был распространенный образ жизни у мужчин всех возрастов. Но Владимир пил не в компаниях. Он пил один. Это совсем другой психологический статус.

— А что с рукописями Зинаиды? — требовательно спросил я. — Назар сказал, что вы ими интересовались.

Качурин неожиданно оживился, и уже во второй раз за день я заметил, как блеснули его глаза под вялыми полуопущенными веками.

— О, вот это действительно крайне любопытно! — заговорил он. — Могу вам сказать, что осенью семьдесят пятого года интересующая вас особа могла болеть чем угодно, хоть панкреатитом, хоть гонореей. Но сотрясения мозга у нее не было и в помине. Более того, возьму на себя смелость утверждать, что в тот момент она была в превосходной форме: бодра, активна и, как писали в те времена, практически здорова.

Вот и приехали...

* * *

Теплый приятный день неожиданно сменился дождливым ветреным вечером, и когда Семен привез троих артистов, посиделки на террасе пришлось перенести в дом. Качурин, против ожиданий, не уехал, изъявив желание остаться.

— Если вы не возражаете, мы с Виленом еще поработали бы. Днем мы очень торопились и, боюсь, сделали ряд поспешных выводов, — сказал он.

Я посмотрел на стоящего рядом с ним Вилену, который кивнул, подтверждая слова доктора. Это некоторым образом нарушало мои планы, ведь

рабочая комната нужна мне для работы с Галией и артистами, коль нет возможности устроиться на террасе. Доктор о моих раскладах не знал, он приехал сегодня в первый раз, но опытный Вилен сразу понял проблему.

— Назар Захарович предложил нам переместиться в свободную комнату на втором этаже, если вы позволите унести туда ваш ноутбук. Мы вам не мешаем.

— Хорошо, — согласился я. — Спасибо за трудовой энтузиазм. В восемь часов ждем вас обоих к ужину.

Виссарион Иннокентьевич, он же Гримо или просто Вася, выглядел со своей седой шевелюрой и в легком летнем светлом костюме истинным героем-любовником, громогласно приветствовал Надежду, целовал ей ручки и восторгался ее кулинарными талантами, что-то напевал... Одним словом, немедленно, едва появившись, заполнил собой все пространство. Строгая спокойная Полина Викторовна, одетая в изысканное и при этом очень простое платье, подчеркивавшее ее необыкновенно тонкую талию, улыбалась сдержанно, но приветливо. Ирина же выглядела совсем неприятно: джинсы, свободная длинная футболка, на плечи накинут серо-голубой кардиган из тонкого трикотажа, на ногах босоножки. Впрочем, даже такая незатейливая одежда не могла скрыть женственность и сексуальность Ирины.

Обрисовывая задание, я старался быть максимально лаконичным, помня о том, что рабочая комната и большой стол потребуются для ужина. Если втроем-вчетвером мы без проблем умещались за барной стойкой, а при хорошей погоде накрывали стол на террасе, то сейчас ситуация становилась в корне иной.

— Комсомольское собрание? — удивленно переспросила Ирина. — Я их совсем не помню, в мое время их уже почти не было... То есть были, конечно, но совсем коротенькие, формальные...

— А я отлично помню, — звучный сочный голос Гримо разлился по комнате. — Я, между прочим, был секретарем комсомольской организации нашего молодежного театра! А ты, Полина? Помнишь, как это было?

— Разумеется, как не помнить. — Полина Викторовна почему-то вздохнула. — Меня же исключать хотели, персональное дело слушали...

— И как? — живо поинтересовалась Галя. — Исключили? Или обошлось?

— Обошлось. Райкомовский инструктор защитил. Пожалел, наверное. Но после того стыда, который пришлось вынести, я твердо решила: до двадцати восьми лет дотерплю, пока комсомольский возраст не выйдет, и всё. Ни в какую партию даже пытаться вступить не буду.

— Господи, да за что ж вас так? — воскликнула Ирина сочувственно.

— На портрет села, — скупно улыбнулась Полина. — Когда студенткой была, нас всем курсом погнали на Ленинский проспект изображать толпу, которая радостно встречает какого-то зарубежного коммунистического лидера, уж не помню даже, кого и из какой страны. В те годы так всегда делали, снимали студентов с занятий, рабочих и служащих — с работы, чтобы побольше народу нагнать и создать видимость интернационального энтузиазма. И раздали портреты, огромные такие, на длинных шестах, чтобы мы их над головой держали. А я держать устала, худенькая была, слабенькая, да и вообще устала стоять, нас ведь привозили на проспект заранее, часа за два до проезда кортежа. Холодно, ветер свищет, первые заморозки, а я по глупости тфельки нацепила на тонкой подошве, ноги замерзли так, что чуть не отвалились. Руки без

54 перчаток тоже заледенели, а в карманы их не

сунешь — нужно портрет держать. И я отошла в сторону, зашла за угол, где ветер не так сильно задувал, положила портрет на землю и уселась на него. Просто отдохнуть. Ладони в рукава засунула, греюсь. И конечно же, нашлись те, кто увидел и стукнул.

— Чей портрет-то был? — полюбопытствовал Гримо. — Я ведь тоже на такие встречи-проводы попадал не раз, но подержать портрет удалось только однажды. Помню, я ужасно собой гордился! У меня Суслов был. А у тебя кто?

— Кажется, Зимянин. А может, Долгих... Сейчас уже точно не вспомню, я их всегда путала. Но член Политбюро ЦК. На собрании через два слова на трети каждый выступающий повторял: портрет члена Политбюро, портрет члена ЦК... А, ладно, что об этом вспоминать!

— Ну вот и отлично, — удовлетворенно сказала Галия. — Будем считать, что одно персональное дело у нас уже есть, нужно придумать еще пять.

— Как — пять?! — в ужасе ахнула Ирина. — Я думала, нужно только одно собрание сыграть.

Пришлось мне опять взять слово и объяснить, что комсомольских собраний нужно провести шесть: каждый из участников квеста должен сыграть роль вожака, который задает тон обсуждению, роль докладчика, которого никто не слушает, и роль объекта всеобщих нападок.

— И чтобы жизнь медом не казалась, нужно еще шесть докладов, — добавила Галия, пряча рвущуюся наружу улыбку.

— Подождите, я не поняла, — снова заговорила Ирина. — Тон обсуждению задает кто-то один из ребят, остальные участники обсуждают как рядовые комсомолы, правильно?

— Правильно, — подтвердила Галия.

— А мы тогда что должны делать? Какие у нас роли?

— А вы, мои дорогие, должны быть присутствующими на собраниях инструкторами райкомов и горкомов как ВЛКСМ, так и КПСС. На обычное собрание их, конечно, никто не посылал и не приглашал, но если тема основного доклада ответственная, политическая, то им рекомендовалось присутствовать. А уж если не только доклад, но и персональное дело вынесено на повестку, то инструктор явится обязательно. Так что темы докладов тоже нужно придумать. И соответственно ситуации разработать линию поведения старших товарищей.

Галия все-таки не выдержала и расхохоталась, следом за ней заулыбались и Полина с Виссарионом, а Ирина продолжала сидеть с озадаченным выражением лица.

— Насчет докладов... Мы — инструкторы какие-то... Даже представить не могу... — пробормотала она.

— Да что там представлять! — оптимистично прогрохотал Гримо. — Один из нас будет рубить лозунгами, второй возьмет на вооружение ядовитую демагогию, а третий займет центристскую позицию, потому что молодежь жалко, конечно, но карьера дороже. Я готов взяться за самое неблагодарное — за лозунги.

— Ой, а можно мне в центристы? — пискнула Ирина.

— А мне оставляете ядовитую демагогию? Ладно, — вздохнула Полина Викторовна. — Роли сами распишем. Галия, поможешь?

— Конечно. Вы сначала распишите роли, как вам удобно, а потом придумаем под них персональные дела. А то если мы сначала дело назначим, может получиться, что вам на этой теме развернуться негде.

— Да, друзья, развернуться вам необходимо
56 в полную мощь, чтобы из участников посы-

палось все самое лучшее и самое худшее, что в них есть, — добавил я. — Вы должны их откровенно провозгласить.

— Но если главное — провокация, то, может, без докладов обойдемся? — предложила Полина. — Для чего они нужны? Чтобы оправдать присутствие инструкторов? Так мы лучше придумаем такие персональные дела, которые без инструктора заслушивать никак нельзя. Васенька у нас, похоже, большой специалист в комсомольской жизни, комсоргом был, он нам все придумает. Правда же, Виссарион? Придумаешь?

Взгляд, который Полина бросила на Гримо, мне не понравился. Похоже, рана, нанесенная актрисе, тогда еще студентке театрального училища, была глубже, чем можно предполагать, а Виссарион отныне олицетворял для Полины Викторовны именно ту лицемерную демагогию, которой ее травили на собрании, заставив пережить невыносимо длинные минуты одинокого позора. Неожиданный конфликт... А я так радовался, старый дурак, что в результате тщательного подбора кадров сложилась чудесная команда умных и приятных людей! Оказывается, не все можно увидеть сразу.

— Нет, без докладов не обойтись, — ответила Галия. — Нужен час безумной скуки, чтобы ребята на персональном деле оживились, потому что началась хоть какая-то движуха.

Лицо Полины на мгновение помрачнело, и я подумал, что ей, наверное, неприятно вспоминать о своем персональном деле как о развлекательной «движухе». Такое тягостное воспоминание, такие мучительные переживания — и такое вульгарное слово...

— Ну да, — негромко проговорила она, — для кого-то стыд публичного лицемерного осуждения, а для кого-то развлечение.

Галия мягко коснулась ее руки.

— Прости, Полина, не хотела тебя задеть. Просто попыталась мыслить и чувствовать, как юная девушка. Прости. Итак, вернемся к докладам. У кого какие предложения?

Дверь приоткрылась, в комнату неслышно вошел Назар. Перехватив мой взгляд, сделал успокаивающий жест рукой: мол, ничего не случилось, просто хочу присутствовать.

— Тут и думать нечего, — решительно заявил Гримо. — «Малая земля», «Возрождение» и «Целина» — вот уже три готовых темы. Эти великие произведения должны были обсуждаться поголовно во всех комсомольских и партийных организациях, я точно помню, сам собрания проводил.

— Отлично, — согласно кивнула Галия. — Я тоже помню эти собрания. Еще?

— Еще была книга Чурбанова «Товарищ милиция», — осторожно встрял Назар. — По ней обязательно нужно было провести собрание в каждом органе внутренних дел, но, может, и в других комсомольских организациях ее тоже обсуждали. Правда, книга вышла в восьмидесятом году, но если Владимир Лагутин умер осенью восемьдесят первого, то почему бы нет...

Я вопросительно уставился на Галию. О том, что в СССР выходили огромными тиражами книги, якобы написанные Генсеком Брежневым, я знал, хотя и не читал этих произведений. Но о книге «Товарищ милиция» и ее авторе Чурбанове слышал впервые. Профессор поняла, что без объяснений тут не обойтись. Судя по лицам артистов, объяснения эти требовались только одному мне, все остальные прекрасно знали, о чем идет речь, понимающе переглядывались и хихикали.

— Юрий Чурбанов служил во внутренних войсках, удачно подженился на дочери Брежнева, и за это его быстренько сделали генералом

и заместителем министра внутренних дел, — сказала Галия. — А потом он решил стать писателем, не хуже тестя, и издал книгу. Писал, разумеется, тоже не сам. Если не возражаете, Дик, возьмем это в качестве четвертой темы. Так же скучно, как и три предыдущие.

Я развел руками.

— Как я могу возражать? Я вообще в этих реалиях ничего не понимаю. Вы — культуролог, Галия, вы специалист по жизни в СССР в семидесятые годы, вам и решать.

— Может, Луис Корвалан и Анджела Дэвис? — осторожно предложила Полина. — Если честно, то я больше ничего не помню. Ни один доклад не слушала, садилась всегда на самый последний ряд, открывала блокнот, якобы записывала, конспектировала выступление докладчика, а сама стихи писала.

— Стихи?! — изумился я. — Почему?

— Стихосложение прекрасно убивает время, — просто ответила Полина. — Даже если у тебя нет поэтического дара.

— Корвалан и Дэвис не пойдут, — решительно заявил Гримо. — Из них не сделать тему для доклада, из них можно сделать только лозунги для митинга. Поверьте мне как бывшему комсоргу со стажем. Да и парторгом я тоже был, кстати, так что опыт имеется.

На строгом лице Полины мелькнуло мимолетное отвращение. Конфликта, похоже, не избежать. А ведь как хорошо все начиналось!

— Значит, будем обсуждать Отчетные доклады ЦК КПСС очередным съездам партии, — подытожила профессор. — Это темы обязательные для всех. Съезды можете выбирать по своему усмотрению, главное, чтобы они проходили в семидесятые годы.

— Двадцать четвертый и двадцатый пятый, — уверенно подсказал актер. — Как раз

два и получается. Двадцать шестой уже не вписывается. Хотя можно и двадцать шестой, он проходил зимой восемьдесят первого года, ваш мальчик еще был жив, на работу ходил, так что, как справедливо отметил Назар, анахронизма не будет. А кто доклады будет писать?

— Вы и будете, — весело сообщила Галя. — А я помогу.

— Но почему? — возмутился Гримо. — Мы — инструкторы вышестоящих организаций, мы пришли послушать, понаблюдать, проконтролировать, повести обсуждение в нужное русло, если оно пойдет куда-то не туда, откорректировать формулировки решений... В этом наша задача, а доклад писать должен тот, кто докладывает, то есть либо сам комсомольский вожак, либо тот, кому он поручил выступить.

— И как ты себе это представляешь, Васенька? — мягко улыбнулась Галя. — Дети во время квеста не должны знать, что их ждет в ближайшие дни. Значит, написать доклад заранее они не смогут. Если сегодня объявить, что завтра будет комсомольское собрание, на котором нужно заслушать и обсудить доклад по книге Брежнева или по материалам съезда, как они успеют этот доклад составить? Это нереально! Если первоисточник успеют прочитать хотя бы по диагонали — уже хорошо, а написать доклад на тридцать-сорок минут — исключено. Это как минимум пятнадцать страниц машинописного текста, такое не под силу даже крутому профессионалу, а у нас дети, необученные и неопытные. Кроме того, Васенька, ты лукавишь. Тебе как бывшему комсоргу прекрасно известно про методические рекомендации, которые почти никто и никогда не видоизменял. Помнишь такое чудесное выражение: взять за основу?

Полина мстительно улыбнулась, но уже через секунду лицо ее снова обрело выражение бла-

гожелательного внимания. К счастью, Гримо ничего не заметил.

— Помню, — неохотно буркнул он. — Ну да, это правда, к ответственным темам всегда из райкома спу- скали методичку, в которой было прописано, какие вопросы и в каком свете обсуждать, на чем сделать ак- цент, какие примеры приводить и все такое. Она так гладко была составлена, что мы просто приносили ее на собрание, клали перед собой на трибуну и зачиты- вали подряд, якобы мы сами это написали. Да ведь все равно никто же не слушал!

— Вот именно, Вася. И наши дети в ходе квеста по- лучат точно такую же гладкую складную методичку, которую им нужно будет пробубнить во время импро- визированного собрания. Так что уж извините, мои до- рогие, но мы как старшие товарищи из вышестоящих организаций должны составить шесть методичек по шести темам.

Некоторое время артисты обдумывали услышанное. Потом раздался печальный вздох Ирины.

— Бедные дети! — Она сочувственно покачала го- ловой. — Они такие свободные, независимые, вырос- ли в эпоху интернета и полной доступности любой ин- формации, они такие...

Она помолчала, подбирая слова.

— Они классные! Они чудесные, незашоренные, самостоятельно мыслящие, смелые! Даже страшно представить, каково им будет сидеть на этих собрани- ях, и не просто сидеть молча, но и выступать, что-то говорить...

Я с любопытством взглянул на нее.

— Вы имеете в виду кого-то конкретного? Или всех шестерых?

— В первую очередь мне жаль Наташу и Ти- мура. Артем и Евдокия умнее и гибче, они могут

адаптироваться к любой ситуации, не теряя внутреннего стержня, а Сергею и так уже ничего не страшно.

— Почему? Что вы о нем знаете?

— Ничего не знаю. Просто я вижу, что его чем-то очень сильно прибило. Его кто-то по-крупному обманул, или подвел, или еще что-то, но жизнь повернулась к нему своей самой неприглядной стороной. Как сказала бы моя семнадцатилетняя дочь, жизнь показала свою густопсовую харю. Думаю, что чужая глупость или подлость Сергея не удивят, он ко всему готов.

Я тут же схватился за ручку и бумагу, чтобы записать новое выражение. «Густопсовая харя»! Ну надо же! Воистину, велик и могуч русский язык!

— А Марина? — спросил Назар. — Ее тебе не жалко, Иришка?

Ирина мотнула головой, совсем по-девичьи, и волосы ее на миг взлетели вокруг лица, как два легких крыла.

— Не-а, не жалко. Она ничего не поймет и ничего не почувствует. И вообще, я уверена, что вы ее выгоните через несколько дней после начала. Такие люди, как Марина, не в состоянии жить строго по правилам дольше пяти минут. Она не выдержит, начнет нарушать запреты, попадетсЯ, и вам придется ее удалить. Так что до первого комсомольского собрания она не дотянет.

Что ж, звучало весьма оптимистично.

* * *

Давно я не уставал так, как за один сегодняшний день, такой длинный, наполненный общением с десятком человек. Ужин затянулся: помимо запланированного обсуждения хода квеста и уточнения последних деталей мы подробно говорили о выводах, сделанных Виленом и доктором Качуриным.

Разъехались мои временные сотрудники ближе к полуночи, и я был уверен, что засну, едва коснувшись головой подушки.

Сон все не приходил, я крутился в постели, потом накинул халат, спустился вниз и вышел на террасу. Ветер утих, сыпал мелкий шуршащий дождик, а я думал о своем дальнем родственнике, давно умершем Володе Лагутине. Вот он поступает в институт, в котором не хочет учиться... Учится, сцепив зубы и умирая от скуки, проклиная свою слабость и трусость, свою неспособность противостоять родителям и правилам режима... Начинает работать... Все так же скучно... Он старается отвлечься, начинает сочинять «Записки молодого учителя», в которых пытается прожить несостоявшуюся жизнь... Лекарство помогает лишь временно или не помогает совсем, Володя бросает свои литературные пробы, написав всего пару десятков страниц... Пробует другое лекарство от душевной муки — алкоголь... Пьет около двух лет... Но, вероятно, не запойно, иначе выгнали бы с работы. Скорее всего, выпивает каждый день после службы. В какой-то момент пытается остановиться, взять себя в руки, снова берется за «Записки», посещает библиотеку... Выпивать не перестает, но старается делать это хотя бы не так интенсивно, как в предыдущие два года... На какое-то время его усилий хватает, потом воля ослабевает, выпивка позволяет все чаще... Володя перестает работать над «Записками» и переключается на художественный вымысел, набрасывает портреты персонажей, сюжетные ходы, конфликты, проблематику... Затем окончательно бросает попытки что-то написать и уходит в пьянство. А через год наступает конец.

И Галя, и Назар уверяли меня, что так называемых «блатных» сотрудников не только не увольняли за пьянство и прогулы, но даже и прикрыва-

ли от огласки и от начальственного гнева, если в этом была прямая выгода. Оказать услугу крупному партийному начальству горкомовского уровня — разве не выгода? А поставить в положение обязанной тебе и благодарной чиновницу из Мосгорисполкома, во власти которой находится распределение дефицитных товаров, — разве лишнее в советской жизни? Назар рассказывал об офицере милиции, своем сотруднике, который по нескольку раз в месяц уходил в запой на три-четыре дня, но за него при назначении на должность «просил» какой-то крупный чин из министерства. Алкаша прикрывали, как могли, и за это от министерского служаки районное управление получало определенные преференции: например, начальник управления, при содействии указанного чиновника, досрочно получил очередное звание; иногда удавалось выбить для кого-нибудь из сотрудников путевку в ведомственный санаторий или дом отдыха сверх выделенной на район квоты, и так далее. За все блага, которые чиновник отпускал району либо своей властью, либо при помощи связей и хороших отношений, приходилось терпеть рядом тяжелого алкоголика, от которого в работе не было никакого толку.

Выходило, что Владимир Лагутин мог еще долгие годы пьянствовать, считаясь сотрудником Министерства иностранных дел. Но ему хватило всего нескольких лет, чтобы сердце не выдержало.

После длительных препирательств Галия и доктор Качурин сошлись во мнении, что Володя после ангины осенью 1972 года у кардиолога на учете не состоял и никаких лекарств не принимал. Если бы не нужно было тщательно скрывать имеющееся заболевание, то он, вероятно, лечился бы и не умер так рано. Всё это

казалось глупым и неоправданным, с моей точки зрения, но вполне объяснимым с точки зре-

ния тогдашних реалий. И Галия, и Виссарион, и Полина Викторовна в один голос утверждали, что люди, не имевшие медицинского образования, в 95 процентах случаев знали только два кардиологических диагноза: инфаркт и порок сердца. Все остальное казалось несерьезным, надуманным, искусственным и никоим образом не требующим ни лечения, ни соблюдения режима, ни приема препаратов. Заколотилось сердце — накапай валокордин, закололо — сунь под язык валидол, вот и весь разговор. Брать больничный? Лежать в стационаре? Беречься? Систематически принимать таблетки? Вот еще! Это недостойно советского человека, для которого работа на благо общества должна быть на первом и главном месте, а собственное здоровье — ближе к концу списка, примерно там же, где личное счастье. Умереть за рабочим столом, а лучше всего — на трибуне во время выступления, — вот достойный конец жизни настоящего коммуниста. Кроме того, жаловаться на сердце допустимо только тому, кто работал долго и тяжело, то есть ближе к пенсионному возрасту. Молодой человек, студент института, к этой категории явно не относился, и все слова врачей о наличии проблемы с сердцем казались и его родителям, и ему самому пустым сотрясанием воздуха. Ну как это может быть, чтобы у школьника или студента было больное сердце, если нет врожденной патологии, о которой было бы известно с младенчества?! Раз не врожденное, значит — временное, ерундовое, не стоящее внимания. Но при решении вопроса о командировании за границу на длительный срок может помешать, поэтому на всякий случай лучше от всех скрыть.

Такая логика понятна. Но тогда почему Зинаида все-таки написала о кардиологической проблеме в 1975 году? Что-то изменилось? Она по каким-то причинам обрела уверенность в том,

что никакие диагнозы не помешают ее сыну получить направление на работу за рубежом? Завела новое знакомство и получила твердые заверения в полной поддержке? Хорошо, я готов допустить такое. А как в таком случае расценивать тот факт, что впоследствии она снова ушла в глухое молчание и не обмолвилась о болезни Владимира ни словом, пока парень был жив? Да и после его смерти Зинаида упомянула о нездоровье сына только один раз: «Кто бы мог подумать, что у Володеньки было больное сердце!»

Действительно, кто бы мог подумать... Ох уж эта Зинаида, лживая и лукавая! Энтони Лагутину будет проще работать над исследованием, Ульяна ему расскажет правду, а может, уже давно рассказала, поэтому мой внучатый племянник и пребывает в полной уверенности, что никому, в том числе и мне, не написать работу лучше, чем это сделает он сам. Вот и приходится мне, старому одинокому переводчику, изобретать немыслимые способы, чтобы восстановить истинный ход событий. Можно было бы пойти по достаточно простому пути, лежащему на поверхности: попытаться найти друзей Владимира, одноклассников, однокурсников, поспрашивать их. Но Назар, с которым я обсуждал такую возможность еще в самом начале, осенью прошлого года, заверил меня, что затея почти полностью бесперспективна. За сорок лет воспоминания трансформируются настолько, что полагаться на них глупо. Многие забываются, многое додумывается и потом воспринимается как реально имевшее место. О многом вообще умалчивается, кое-что умышленно привирается. Так что моим единственным свидетелем, моим более или менее надежным источником остается Молодой Учитель, чьи записки мы с таким тщанием изучаем, пытаясь вытащить из текста все, что возможно.

Какой все-таки молодец этот доктор Качурин! Ну почему, почему никому из нас не пришло в голову взглянуть на рукописный текст?! Мы пользовались компьютерными распечатками, вчитывались в слова, старались проникнуть в смысл и поймать скрытые за словами эмоции и совершенно упустили из виду первоисточник как физический, материальный объект. Конечно, я видел сканы рукописи и раньше и хорошо помню, что почерк у Владимира был весьма неразборчивым. Пробежав глазами несколько строк, я испытал острое отвращение к необходимости разбирать чужие каракули, изо всех сил напрягая глаза, и порадовался, что у Берлингтонов принято все рукописные тексты набирать на компьютере, чтобы в дальнейшем передать для написания итогового исследования полный пакет источников как в переводе на английский, так и на языке оригинала. Порадовался, старый пень... И чуть не упустил по-настоящему важные обстоятельства.

Во время ужина, пока Надежда и помогавший ей Юра убрали тарелки и накрывали к чаю, Вилен попросил разрешения воспользоваться принтером и распечатал несколько страничек со сканами. Оказывается, Владимир иногда рисовал то на полях, то в центре листов, где полагалось быть тексту. Художником он был никаким, рисунки выглядели неумелыми и корявыми, даже и не рисунками вовсе, а так... Не пойми чем. Не картинки с сюжетом, не портреты красивых девушек, а просто рожицы, чертики или солдатики. Впрочем, солдатиков Володя рисовал лучше всего остального, особенно в форме старинного образца. Наверное, увлекался этим с детства. Например, в середине текста, посвященного пьесе «Старик», целых полстраницы отведено изображению множества фигурок в военной форме. Сначала шли

крупно нарисованные «поясные портреты» с разными головными уборами и в разных мундирах: у одного тщательно вырисованы эполеты на плечах; у другого на шее, в вырезе расстегнутой рубахи, виднелась замысловатая подвеска на шнурке; третий держал в руке рассыпающуюся колоду карт и почему-то вызывал ассоциацию с Германном из «Пиковой дамы» Пушкина; четвертый, с тонкими усиками, вообще был в широкополой мушкетерской шляпе с пером. Эти четыре головы нарисованы в ряд, и весьма старательно. Под ними — расположенные кое-как фигурки солдатиков, выполненные так мелко и небрежно, что невозможно даже приблизительно определить исторический период и род войск, понятно только, что это воины. Таких мелких, разбросанных по странице фигурок насчитывалось тринадцать. Чертова дюжина.

Я сидел на террасе, смотрел в темноту, слушал шуршание дождя и пытался представить себе читальный зал обычной районной библиотеки советского периода, как его описывала Галя. Просторная комната размером со школьный класс или даже больше, обычные офисные столы без ящиков, простые стулья. В некоторых библиотеках на каждом столе были настольные лампы. Мне почему-то хотелось, чтобы в той библиотеке, где часами просиживал Володя Лагутин, такие лампы были.

Осенний или зимний вечер, темнеет рано, за окнами чернота, молодой мужчина сидит в пустом читальном зале, перед ним раскрытая книга, он внимательно читает, потом переводит глаза на окно, за которым ничего не видно, обдумывает, чему-то улыбается, берет ручку и торопливо записывает свои мысли в тетрадь... Почерк неразборчив, но строки ложатся ровно, буквы мелкие, знаки переноса четкие. Снова читает, снова обдумывает... Мысль либо ускольза-

ет, либо никак не хочет четко формулироваться, и он, подперев левой рукой склоненную набок голову, начинает в задумчивости рисовать в тетради чертиков, солдатиков или забавные кривые рожицы...

Такая мирная, уютная картина!

Однако, если верить выводам Качурина и Вилена, подобная картина имела место все реже и реже. И все чаще молодой человек, пребывая в состоянии подпития, пишет все, что приходит в голову, не задумываясь над формулировками и над последовательностью изложения; буквы становятся заметно крупнее, строки в правой стороне листа уходят вниз, знаки переноса зачастую отсутствуют вообще, а фразы делаются такими длинными, что порой теряется их смысл... Наверное, приходиться в библиотеку пьяным вдрызг было бы невозможным, и Назар высказал предположение, что Владимир после работы заходил домой за тетрадями, которые тщательно прятал в своей комнате, потом отправлялся в библиотеку, по дороге покупал спиртное, клал бутылку в портфель. В библиотеке брал нужные издания, устраивался в читальном зале и работал, периодически выходил в туалет с портфелем в руках, делал глоток-другой прямо из горлышка и возвращался. Если других читателей в зале не было, а сотрудница библиотеки куда-нибудь отлучалась хоть на несколько минут, то он пил прямо в читалке. Уходил перед самым закрытием, когда библиотекари хотят побыстрее уйти домой и к разговорам не расположены; молча клал книги на стойку, коротко говорил: «Спасибо, до свидания», стараясь дышать в сторону, чтобы чужой нос не учуял запах спиртного, и исчезал до следующего раза. Владимира хорошо знали, фамилию и читательский билет уже давно не спрашивали, и он мог себе позволить не стоять и не ждать, пока библиотекарь переложит вкладыши из формуляра в кармашки на форзаце возвращенных книг: симпатичному

вежливому молодому человеку, регулярно посещающему читальный зал, прощалось многое, тем более он брал только русскую и зарубежную классику, «а в наше время интерес молодежи к классике — это такая редкость!».

И в этой картинке уже не было покоя и уюта, зато были отчаяние и опустошение.

* * *

— Почему сразу не позвонил?

Фу-ты ну-ты, какие мы требовательные! Но злые, даже почти визгливые нотки не могут испортить этот божественный голосок.

— Поздно вернулся, ночью уже, устал, спать хотел, — мирно объяснил он.

Настроение было хорошим, ссориться не хотелось.

— Спать он хотел! А деньги получить ты тоже хочешь?

— Очень хочу, — весело подтвердил он.

— Тогда отработывай их, а не спи. Давай расскажи еще раз, только подробно, чем там они занимаются.

— Да не паникуй ты! Все то же и о том же. «Записки» разбирают. Ричард в разговорном языке тренируется, молодежный сленг изучает.

— И с кем он на том свете собирается разговаривать на этом языке? — презрительно фыркнула обладательница райского голоса. — Ему на кладбище уже прогулы ставят, а он все тренируется, как будто собирается жить вечно. Ладно, про пьянство — это фигня, это не опасно. Русские мужики всегда много пили, в этом ничего нового нет. Про главное совсем не догадываются?

— Совсем. Даже близко никаких намеков. Чего ты нервничаешь-то так? Ничего они не узнают, я тебе гарантирую.

— Гарантировать будешь, когда все закончится, — сердито откликнулся голос.

— Нет, — рассмеялся он, — когда все закончится, я уже получу деньги. Если не обманешь, конечно.

— Может, и обману.

— Не боишься?

— Кого? Тебя? Да я тебя никогда не боялась. Ты же ничтожество. Но если выполнишь работу как следует, то я, так и быть, рассмотрю возможность считать тебя человеком. И может быть, выполню свое обещание и заплачу оставшуюся часть денег.

Любому другому человеку он немедленно дал бы в морду за такие разговоры. Но этот голос, которому он никогда не умел сопротивляться... И потом, деньги. Оставшаяся часть, на которую он так рассчитывал, многократно превосходила те суммы, которые он уже получил за эту работу. Нет, не нужно ссориться. Да и не хочется. Очень уж настроение хорошее. Надо рассказать что-нибудь пикантное, чтобы заслужить если не похвалу, то хотя бы что-то похожее на одобрение.

— На квесте еще комсомольские собрания будут, — сообщил он.

— Что?!

— Комсомольские собрания, — со вкусом повторил он.

— Зачем?

— Откуда я знаю? Так Ричард придумал.

— Бред... Слушай, а тебе не показалось, что у него с головой не все в порядке? Может, мы напрасно беспокоимся? Может, у него просто крышак съехал?

— Не мы, а ты, — зловредно ввернул он. — Это ты беспокоишься. Мне-то все равно, я в деле не участвую, мне скрывать нечего.

— Вот как ты заговорил... Только не забывай, мой дорогой, что я в деле тоже не участвую и мне скрывать тоже нечего, так что в этом смысле мы с тобой в равном положении. Но я плачу тебе деньги,

а ты на меня работаешь, и вот в этом веселом месте наше равенство заканчивается. Усвой это раз и навсегда. Ты меня понял?

— Разумеется, любовь моя, — протянул он насмешливо. — Разве тебя можно не понять? Ты всегда отличалась умением четко формулировать и доходчиво объяснять.

— Паяц!

— Ты тоже самая лучшая, — откликнулся он. — Целую нежно! Как будут новости — позвоню.

Он положил телефон на пол рядом с диваном, потянулся с наслаждением, до хруста в суставах, снова взял телефон, посмотрел время: через пару часов придется встать и ехать по делам, а пока можно полежать и помечтать. Зимой ему хорошо мечталось «на контрасте»: он смотрел на обледенелые тротуары под серым грязным небом, на мрачные вечерние улицы, по которым брели сутулые люди с серыми усталыми лицами, и представлял себя на берегу теплого моря, на пляже с белым мелким шелковистым песком и в окружении многоцветья ярких купальников, затейливых узорчатых парео, красных и синих куполов уличных барных зонтиков. Летом же он мечтал, как он сам говорил, «в контексте»: смотрел на листву, на солнце, на небо и видел себя на лужайке перед роскошным собственным домом, а лучше — на бортике бассейна, тоже, разумеется, собственного. Дом — не такая халупа, как у Назара, конечно, а настоящий, шикарный, огромный, в ближнем Подмоскowie, которое с недавнего времени стало считаться Москвой. Где-нибудь в районе Рублевки, например, на Николиной Горе. Это будет не участок, а настоящее поместье с лужайками, рощей, разными постройками для гостей и прислуги, гаражами

для своих и гостевых машин и даже с конюшной. Особенно выпуклыми и осязаемыми

эти сладостные картинки делались именно в хорошую погоду, и потому в хорошую погоду настроение у него бывало отменным. Таким, какое невозможно испортить ни проблемами, ни тем более разговорами.

* * *

За неделю до предполагаемого отъезда Артем получил письмо от организаторов с просьбой подтвердить участие в квесте. «Если вы отказываетесь от участия, мы аннулируем забронированные для вас билеты. Если же вы подтверждаете свое участие, билеты будут оплачены, и вы при необходимости можете распечатать их с сайта...»

От Алены Игоревны не было никаких известий. Наверное, их босс по имени Евгений Борисович еще не посмотрел материал. Или посмотрел и забраковал. Артем был уверен, что если бы Евгений Борисович одобрил разработку, Алена непременно сразу сообщила бы. А она молчит.

Артем решил позвонить сам. Прямого телефона Алены Игоревны у него не было, но номер телефона офиса был. На звонок ответила та самая веснушчатая девчушка, чей папа водил дружбу с Великим и Ужасным Евгением Борисовичем.

— Я вас соединю, — сказала она, и через несколько секунд Артем уже разговаривал с ухоженной красоткой Аленой Игоревной.

— У меня пока нет информации, — сдержанно ответила Алена. — Евгений Борисович был в отъезде, боюсь, он не успел посмотреть все представленные проекты, а их оказалось даже больше, чем мы ожидали. Вам ответ нужен срочно?

— Сегодня. Мне нужно подтвердить бронь на билеты.

— Минуту...

В трубке было слышно, как она шелестит какими-то бумагами.

— Вы говорили, что ответ нужен до двадцать восьмого июня, у меня записана именно эта дата. Сегодня только двадцать первое. Артем, вы проявляете ненужную торопливость, и это может сказаться...

— Прошу прощения, — перебил он, — если я уеду, то действительно двадцать восьмого. Но сегодня я должен дать ответ организаторам по поводу билетов. Если информации не будет в течение нескольких часов, я просто откажусь от поездки и буду спокойно ждать. Еще раз прошу меня извинить за беспокойство.

Он ненавидел эти игры с реверансами и показной вежливостью, но не мог не признать, что иногда они приносят неплохой результат. Вот и сегодня принесли. Голос Алены Игоревны неожиданно смягчился:

— Я попробую что-нибудь узнать и сама вам позволю. Но примите мой совет: оставайтесь в городе только в том случае, если Евгений Борисович скажет твердое «да». В любом другом случае поезжайте. Поверьте мне, я знаю своего шефа: если он говорит «не знаю», «посмотрим» или «я подумаю», это всегда означает, что в конце концов он скажет «нет».

Артем поблагодарил и занялся своими обычными делами. Он был уверен, что ждать ответа придется до позднего вечера, а то и до завтра, знает он эти обещания «перезвонить», раздаваемые направо и налево офисным планктоном, к которому, несомненно, относилась и Алена Игоревна, несмотря на всю ухоженность, привлекательность и модную одежду.

Но он ошибся. Алена перезвонила меньше чем через 3 часа. Голос у нее был виноватый и какой-то

— Мне очень жаль, Артем, — сказала она. — Ваш материал совсем не заинтересовал Евгения Борисовича. Он не видит в нем перспективного направления для развития новой сети. Может быть, в следующий раз...

— Спасибо, — разочарованно протянул Артем.

Впрочем, он не особо рассчитывал на успех, он ведь понимал в глубине души, что идея еще не доработана, не созрела. Ничего, он доведет всё до ума и попробует в другом месте. Евгений Борисович — не единственный человек в этом мире, который вкладывает деньги в создание и развитие торговых сетей. Где-нибудь разработки Артема Фадеева, его подход к маркетингу обязательно пригодятся.

— Не унывайте, Артем, не отчаивайтесь, — говорила между тем Алена Игоревна. — Удачи бывают не всегда, иногда приходится мириться и с неудачами.

— Спасибо, — снова повторил он.

— Поезжайте, куда собирались, и пусть у вас там все сложится наилучшим образом!

— Спасибо, — произнес он в третий раз.

Подумал несколько минут, ответил на письмо организаторов квеста, подтвердил участие, потом позвонил Сергею.

— Серега, меня бортанули с проектом, так что я еду! — сообщил он.

— Супер! Я тоже сегодня получил письмо и подтвердился. То есть я хотел сказать, мне жаль, что с проектом не получилось... Но суперски, что мы будем вместе на квесте!

Сергей обрадовался так открыто и искренне, что Артем невольно улыбнулся. А может, и хорошо, что проект не приняли... Зато скоро они встретятся с Серегой. И с Наташкой, которая так смешно, но нестандартно мыслит.

И с Ириной.

* * *

Маринка летнюю сессию почти завалила, еле-еле вытянула на троечки, но визжала от восторга, получив единственную отличную оценку — по английскому. Даже преподаватель ее похвалила перед всей группой. Английским Маринка занималась исступленно, забросив все остальные предметы, по которым нужно было сдавать зачеты и экзамены. Наташа даже не предполагала, что ее подруга может оказаться такой целеустремленной! Правда, цели у нее сомнительные... Но упорства не занимать, это уж точно.

Наташа не понимала, как можно учить зубрежкой, а не головой, и каждый раз сердито удивлялась, когда Маринка спрашивала одно и то же. Например:

— Как правильно, «I would rather to do something» или «I would like to do...»?

— Марин, ну сколько раз тебе объяснять: после «would like» должен идти инфинитив, а после «would rather» глагол в настоящем времени. Поняла?

— Нет, не поняла, — огрызалась Маринка. — Почему разная форма глагола должна быть, если оба выражения одинаковые? И то, и другое — «я бы хотела», так почему дальше по-разному? И вообще, зачем два выражения про одно и то же? И я вечно их путаю!

— Ну, смотри, — терпеливо объясняла Наташа. — Попробуй запомнить по-русски: я бы лучше сделала то-то и то-то; я бы хотела сделать то-то и то-то. В первом случае «сделала», во втором — «сделать», тоже разные формы глагола.

Маринка кивала, вздыхала и снова надевала наушники, чтобы слушать очередной урок и делать упражнения, но уже через полчаса опять дергала Наташу с каким-нибудь другим вопросом.

Обе получили письма насчет оплаты забронированных билетов, подтвердили участие, а на следующий день в их электронных почтовых ящиках оказались какие-то «Соглашения», которые нужно было прочитать и сообщить, все ли понятно и готовы ли они подписать документ, когда приедут в поселок. Соглашение было длинным и скучным, в нем перечислялись правила участия в квесте, порядок оплаты, форс-мажор и еще какая-то муть про ответственность сторон, порядок оказания медицинской помощи и все такое. Наташа пробежала глазами первые два абзаца, дочитывать до конца не стала и сразу отправила письмо с выражением согласия. Ну что уж такого может быть в этом соглашении? Денег с участников ни за что не берут, наоборот, оплачивают им дорогу, предоставляют жилье и одежду, кормят. Ну да, если участнику надоеет и он захочет уехать, ему оплатят пребывание по количеству отработанных дней, а не выдадут все деньги полностью, но об этом их предупреждали еще на отборе, ничего неожиданного. Если участник заболит чем-то серьезным, его отправят либо в городскую больницу, либо домой, и в этом случае тоже заплатят только за реально отработанные дни, об этом им тоже говорили раньше. Если поймают на грубом нарушении и выгонят, то не заплатят вообще ничего, это тоже понятно.

У Наташи впереди последний экзамен, ей нужно готовиться, а не тратить время на эту лабуду и разбираться в длинном Соглашении, в котором такие формулировки, что ничего и не поймешь. И потом, среди организаторов — Назар Захарович, дядя Назар, ему-то Наташа верит безоговорочно, такой человек не может участвовать в обмане и вообще в чем-то сомнительном. Если дядя Назар видел Соглашение и позволил его прислать — значит, там все в порядке и можно ни во что не вникать.

Маринка, само собой, даже и первые абзацы читать не стала.

— Ты уже ответила? — спросила она.

— Да.

— Тогда я тоже отвечу, — без колебаний решила Маринка, отправила письмо и снова вернулась к уроку английского.

Помимо иностранного языка Маринка тратила кучу времени на то, чтобы во время мероприятия выглядеть как можно привлекательнее, соблюдая при этом требования квеста. Она облазила весь интернет в поисках фотографий, на которых были запечатлены девушки и молодые женщины 1970-х годов, внимательно разглядывала их одежду и придирчиво выбирала то, что, как ей казалось, будет хорошо на ней смотреться.

— Марин, ты ерундой занимаешься, — сказала как-то Наташа, впервые застав подругу за этим занятием. — Носить все равно придется то, что выдадут, а не то, что тебе нравится.

— А портнихи на что? — возразила Маринка. — Покажу фотку — и сошьют. Тебе бы, между прочим, тоже не помешало заняться прикидом, а то ходила на отборе как бомжиха, а туда же, на парней засматривалась. Кто на тебя внимание-то обратит в таком зашкварном тряпье? Вот посмотри, например, такое...

Она показала Наташе пару фотографий.

— Кошмарно, конечно, но если посадить по фигуре и как-то осовременить, то будет миленько. Такой кофтец называется «батник», я сама недавно узнала, его носят сильно приталенным, тебе будет хорошо, фигуру подчеркнет. И к нему надо расклешенные джинсы найти...

Но Наташу одежда интересовала мало, она хорошо помнила то, что Надежда Павловна объясня-

78 ла ей про ткани. Эластана в те времена и в по-

мине не было, а разве одежда может быть удобной без эластана? Для Наташи главное — удобство, ведь на занятиях в колледже приходится много двигаться и в танцклассе, и в зале, то поднимаясь на сцену, то спускаясь, а то и сидеть на полу. Какие уж тут юбочки и платица?

Она лучше подумает об обуви. Такую боль и стертые до кровавых мозолей ноги Наташа забудет не скоро. Надежда Павловна говорила, что можно привезти ортопедические стельки, вот стельками и нужно заняться в первую очередь. Конечно, от мозолей никакие стельки не спасут, но хотя бы стопы болеть не будут так сильно.

Родители обеих девушек затею с поездкой на квест не одобрили. Маринкина мать раскудахталась, дескать, лучше бы доченька на море поехала в июле, в Турцию или в Египет, или куда там еще ездят, где прилично и недорого, вместо того чтобы переться в какую-то дыру и там в игрушки играть. Отец Наташи сначала забеспокоился, уж больно странно все выглядело с ее слов, потом выразил намерение лично сопроводить дочь в поселок и своими глазами посмотреть, что это за шарашкина контора, готовая платить такие солидные деньги невесть за что.

— Ты бы поостереглась, дочка, — говорил он. — Небось разводка очередная. Сейчас мошенников кругом развелось видимо-невидимо. Лучше приезжай домой, отдохни, погуляй на природе.

— Там тоже природа, — отвечала Наташа. — Озеро, сосны, воздух. Ты не волнуйся, мы ведь уже ездили туда на три дня, все видели. И ехать с нами не нужно, все будет в порядке, я тебе обещаю.

С этими «тремя днями» тоже морока получилась. Про загадочный непонятный квест девчонки родителям сперва не говорили, обе навра-

ли, что в конце мая, перед самой сессией, вместе едут в гости к подруге в другой город. Ведь еще неизвестно, пройдут они отбор или нет, так зачем предков напрягать раньше времени? Может, с квестом ничего не выйдет, тогда можно будет ни о чем не рассказывать. Когда пришло время сказать, что в июле они собираются проводить каникулы не так, как обычно, Наташа призналась родителям, что обманула их с поездкой к подруге, а Маринка промолчала. И если Наташа теперь могла говорить: «Я там была, там хорошо, мне понравилось, я хочу поехать», то у Марины такого аргумента не было. Признаваться родителям во лжи она не собиралась, и ей приходилось ежедневно уворачиваться от материнских доводов, изыскивая все новые и новые способы парировать их и уверять, что в поселке на берегу озера она прекрасно проведет время, занимаясь тем, что сегодня так модно, и еще сэкономит семейные деньги.

— Мне на работе перед бабами стыдно, — сказала мать Маринки. — У одной сын с невестой на Канары полетел отдыхать, другая в Италию едет красоты смотреть, мы с отцом в Прагу собрались, думали — ты с нами поедешь, а ты... Ужас какой-то! Меня все спрашивают, где Мариночка будет каникулы проводить, и что я должна отвечать? Что мой ребенок не за границу на экскурсию или на курорт отправится, а в какую-то глухомань, в деревню? Получается, наша семья хуже всех. Позоришь ты меня.

— А ты не говори никому про деревню, — беззаботно посоветовала Маринка. — Говори, что я тоже куда-нибудь в красивое место поеду. Никто же не поверит.

— А фотографии? Спросят ведь, а что я им покажу?

У нас все бабы фотки приносят, показывают, хвастаются.

— Ладно, мам, не запаривай, — отмахнулась она. — Наша семья будет не хуже, а лучше всех, вот увидишь.

С Маринкиной затеей сшить себе гардероб ничего не вышло, хотя Наташа несколько раз предупреждала ее насчет тканей, но подруга же никогда не слушает ее, если вопрос не касается английского языка. Наташа даже с Надеждой Павловной связывалась, писала ей, просила, если возможно, выяснить поточнее, можно ли сшить одежду нужных моделей, но из современных тканей. Надежда Павловна ответила, что спросила у Ричарда и у Галины Александровны, и они сказали, что нужно учитывать не только состав ткани, но и расцветку. Можно использовать шелк, ситец, сатин, лен, хлопок, нейлон, кримплен, вельвет, шерсть. Никакого полиамида, эластана, кашемира, ничего такого, что делает ткань тягучей, мягкой и шелковистой на ощупь. С этим еще можно было бы как-то справиться, но расцветки... Маринка носилась со своей идеей до того момента, пока не стало понятно: даже если она найдет нужную ткань, ни одна портниха уже не возьмется за шитье, времени не остается совсем.

Но уверенности у Маринки от этого не убавилось.

— Я все равно вырвусь отсюда, — твердила она. — Не с Уайли — так с кем-нибудь другим, но вырвусь. Вот увидишь.

Наташа только качала головой и напевала про себя:

А я еду, а я еду за мечтами,
За туманом и за запахом тайги...

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

КВЕСТ

Если бы Назар не стал в свое время офицером милиции, ему наверняка была бы уготована блестящая карьера редактора. Хоть он и уверял меня, что его жена Элла обладает несравнимо лучшими способностями излагать длинные и сложные темы сжато и внятно, а он рядом с ней выглядит жалким вязким болтуном, он явно прибеднялся. Именно так я решил, выслушав его рекомендации по моему запланированному длинному выступлению перед участниками квеста в первый день.

— Это можно сказать в три раза короче, — говорил он.

Или:

— Эти детали не важны, их можно опустить.

Или:

— Момент, конечно, существенный, но детям о нем знать не следует, иначе ты невольно будешь программировать их восприятие.

Я спорил, настаивал, затем призывал в арбитры наших высокопрофессиональных Галию и Вилену и с недоумением констатировал, что почти всегда они занимали сторону Назара. Почти всегда, за очень редкими исключениями.

— Поверьте мне как преподавателю с большим стажем, — сказала Галия. — Человек может без